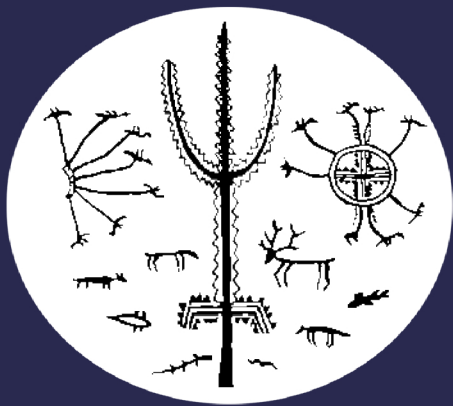

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (57) 2025

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (57) 2025

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (57) 2025

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 2 (57) 2025

Aida K. Abdykanova, Baitour Toktosunov, Kairat Belek, Talaaibek K. Abdiev, Chynarbek M. Zholdoshev. New ancient Turkic inscription Chet-Koi-Suu (Issyk-Kul, Kyrgyzstan)	7
Anton Buzanov, Svetlana Toldova. Reflexive possessives in Tungusic: Comparison of Bystraja Even and Uilta	17
Julia V. Normanskaja, Natalia A. Koshelyuk. How and when did Mansi dialects arise?.....	36
Style sheet	60

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (57) 2025

А. И. Абдыканова, Б. Токтосунов, К. Белек, Т. К. Абдиев, Ч. М. Жолдошов. Новая тюркская надпись Чет-Кой-Суу (Иссык-Куль, Кыргызстан)	7
А. О. Бузанов, С. Ю. Толдова. Рефлексивная посессивность в тунгусо-маньчжурских языках: сравнение быстринского эвенского и уйльтинского	17
Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Как и когда появились мансийские диалекты?	36
Требования к оформлению статей.....	69

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь
Н. А. Кошелюк
(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary
Natalia Koshelyuk
(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Новая тюркская надпись Чет-Кой-Суу (Иссык-Куль, Кыргызстан)

Абдыканова Аида Калыдаевна, Американский университет в Центральной Азии (Бишкек); abdykanova_a@auca.kg
 Токтосунов Байтур, Американский университет в Центральной Азии (Бишкек); baitour.t@gmail.com
 Белек Кайрат, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек); kayratbek@gmail.com
 Абдиев Талаайбек Камбарович, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек); taalay.abдиев@manas.edu.kg
 Жолдошов Чынарбек Маматбекович, Министерство культуры, информации и молодежной политики
 Кыргызской Республики (Бишкек); 330003k@gmail.com

Статья посвящена чтению и интерпретации недавно обнаруженной древнетюркской надписи, выявленной в пойме реки Чет-Кой-Суу на северном берегу озера Иссык-Куль. Надпись является частью более крупного археологического комплекса, занимающего всю территорию древней поймы реки. Помимо эпиграфического памятника, в комплексе были зафиксированы петроглифы, курганы и таш-короо — основания древних жилищ и стен, выполненные в виде каменных выкладок.

Надпись состоит из 12 полных знаков, транслитерируемых как: **q'ut'l'g'ak'ishl'g'** (*кутлуг (а) кышлыг*). Детальный эстамп выявил, что надпись, по всей видимости, неполная: в конце поврежден участок поверхности камня, на котором прослеживается фрагмент еще одного знака — предположительно, **m**, следовавшего за **g'**.

Это уже пятая надпись, обнаруженная на территории Иссык-Кульской области. По содержанию и стилю она классифицируется как памятная и предварительно датируется временем не позднее создания древнетюркского источника «Ырк Битиг». Особый интерес надпись представляет в контексте существования другой, арабографической надписи Кичи-Тегерек Караханидского времени, имеющей сходное содержание. Она была найдена на южном берегу Иссык-Куля, в местности Тон, и читается как *Эсиз сеңир бу йер кышлыкым*.

Обе надписи отображают личностное и эмоциональное отношение к родному дому, который осмысливается не только как место зимовки, но и как сакральное пространство, связанное с природным ландшафтом и передаваемое из поколения в поколение. Такое восприятие отражает систему ценностей, в которой привязанность к месту играет ключевую роль в формировании идентичности.

Ключевые слова: Чет-Кой-Суу, древнетюркская надпись, Иссык-Куль, Кыргызстан

NEW ANCIENT TURKIC INSCRIPTION CHET-KOI-SUU (ISSYK-KUL, KYRGYZSTAN)

Aida K. Abdykanova, American University of Central Asia (Bishkek); abdykanova_a@auca.kg
 Baitour Toktosunov, American University of Central Asia (Bishkek); baitour.t@gmail.com
 Kairat Belek, Kyrgyz-Turkish 'Manas' University (Bishkek); kayratbek@gmail.com
 Talaaibek K. Abdiev, Kyrgyz-Turkish 'Manas' University (Bishkek); taalay.abдиев@manas.edu.kg
 Chynarbek M. Zholdoshev, The Ministry of Culture, Information and Youth Policy in Kyrgyz Republic (Bishkek); 330003k@gmail.com

This article is devoted to the reading and interpretation of a recently discovered ancient Turkic inscription located in the floodplain of the Chet-Koy-Suu River, situated on the northern shore of Lake Issyk-Kul. The inscription forms part of a broader archaeological complex occupying the territory of the ancient floodplain. In addition to the epigraphic monument, the complex contains petroglyphs, burial mounds, and tash-koroo — stone foundations of ancient dwellings and walls arranged in deliberate patterns.

The inscription consists of 12 distinct characters, transliterated as **q'ut'l'g'ak'ishl'g'** (read as *kutlug (a) kyshlyg*). However, detailed estampage of the surface suggests the text may be incomplete: the final portion of the inscription is damaged due to a surface fracture, where a trace of an additional character — presumably **m**, following **g'** — can still be discerned.

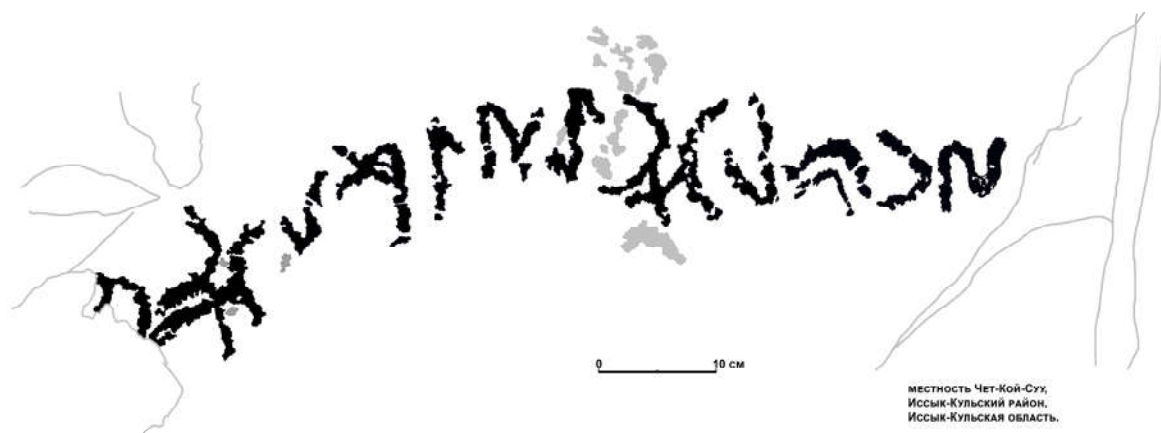
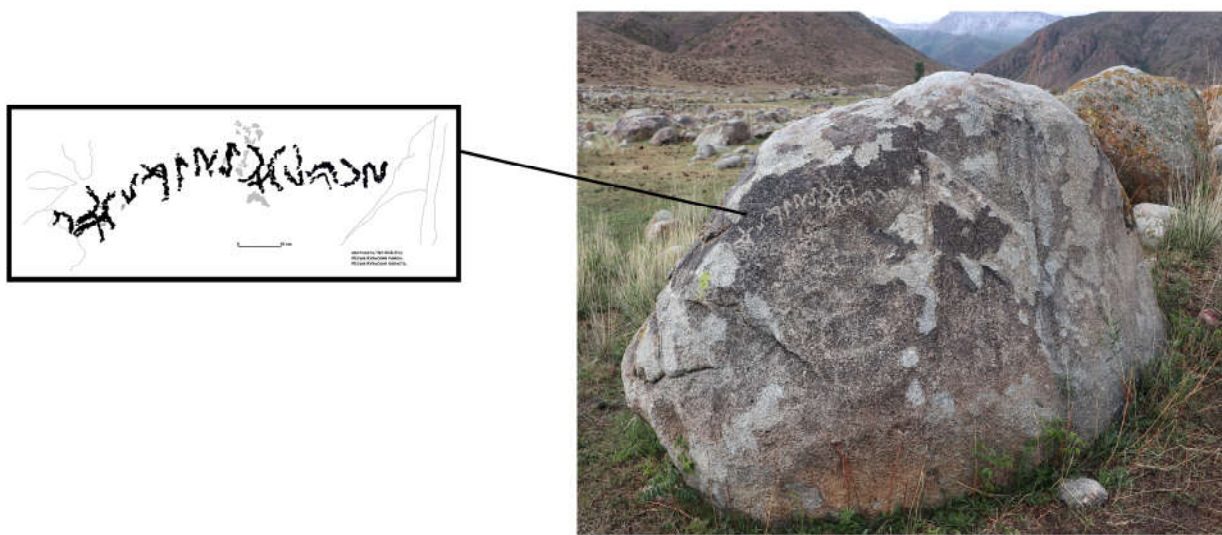
This inscription is the fifth of its kind discovered within the Issyk-Kul region. Based on its linguistic and stylistic features, it is classified as a memorial inscription and is preliminarily dated no later than the composition of the Old Turkic manuscript 'Irk Bitig'. Of particular interest is its thematic and semantic resemblance to another inscription from the Karakhanid period, written in Arabic script and discovered on the southern shore of Lake Issyk-Kul, in the Ton area. That inscription, known as Kichi-Tegerek and reads as *Esiz señir bu yer kyshlykym*.

Both inscriptions reflect a deeply personal and emotional connection to the home, understood not merely as a site for wintering, but as a sacred space intimately tied to the natural landscape and passed down through generations. This perception reveals a value system in which attachment to place plays a central role in shaping identity.

Keywords: Chet-Koi-Suu, ancient Turkic inscription, Issyk-Kul, Kyrgyzstan

Введение

Новая руническая тюркская надпись была обнаружена в мае 2021 г. антропологом Б. Токтосуновым во время археологического обследования поймы реки Чет-Кой-Суу на северном берегу озера Иссык-Куль (Иссык-Кульский район, Иссык-Кульская область). Надпись, уникальная и яркая по форме и содержанию, является пятой по счету находкой в окрестностях озера Иссык-Куль начиная с 1920-х гг. [Иванов 1957: 78—79; Табалдиев, Белек 2008; Alimov et al. 2010]. Детальный эстампаж надписи был сделан Ч. Жолдошовым в августе 2021 г. Летом того же года надпись была осмотрена эпиграфистами К. Белек и Н. Усеевым.

Северо-западное побережье озера Иссык-Куль известно своими древними памятниками еще с XIX в. [Бартольд 1897; ОАК 1897: 47—48]. Наскальное искусство северного побережья озера от Балыкчи до Чолпон-Аты является объектом историко-культурного наследия республиканского уровня под номером 223 [Постановление... 2002]. В связи с недостаточными исследованиями петроглифов северного побережья озера Иссык-Куль с ноября 2020 по июнь 2021 г. была проведена серия археологических разведок с целью картографирования историко-культурного ландшафта района. По результатам обследования были выявлены компактные расположения комплексов — Орнок, Чет-Кой-Суу, Чок-Тал и Сары-Камыш. Надпись в числе многих таких объектов была обнаружена на территории комплекса Чет-Кой-Суу в пойме реки Чет-Кой-Суу. Памятники этого места представлены не только наскальными рисунками, датируемыми от эпохи бронзы до позднего средневековья, но и курганами эпохи ранних кочевников (VIII до н. э. — V в. н. э.) и тюркского времени, эпиграфическими памятниками на арабском и тибетском языках и каменными сооружениями, известными как таш-короо. Последние являются основаниями средневековых жилищ различной формы (круглые, прямоугольные, одинарные и сложные) и сопутствующих им строений в виде длинных каменных стен и искусственных террас. Находки фрагментов керамики на территории таш-короо, в том числе кашинного типа с голубой и черной глазурью, предварительно датируют строения XII—XIV вв.

Интересно отметить, что в современном названии местности Чет-Кой-Суу, наряду с соседними Орто-Кой-Суу и Чон-Кой-Суу, по сути являющимися названиями рек, сохранилось слово *кой*, означающее в том числе 'залив', иногда 'русло' или 'подошва горы' [ЭСТЯ 2000: 25]. Существование другого известного топонима на южном берегу озера Иссык-Куль, залив Кой-Сары, где П. П. Ивановым были обнаружены эпиграфические надписи, дает нам основание переводить слово *кой* как 'залив' или 'русло'. В «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара упоминается, что «На Иссык-Куле есть местность, называемая Кой-Суй. Мир Хакк-Бердыбекчик построил там крепость. На острове, что на Иссык-Куле, он оставил своих слуг и семью, чтобы они были в безопасности от нападений калмаков, а сам занимался разорением Туркестана и Сайрама». В районе, где река Чон-Кой-Суу впадает в озеро Иссык-Куль, имеются подводные развалины средневековой крепости, примыкающие к современному полуострову Змеиный, которая, по всей видимости, и упоминается в источнике [Материалы... 1969: 194].

История исследований надписей Кыргызстана

История открытий и изучения древнетюркских рунических надписей на территории Кыргызстана охватывает более ста лет. Впервые рунические надписи были выявлены в Таласской долине. Первую надпись на камне В. А. Каллаур нашел при помощи местных жителей в 1896 г., по дороге к ущелью Калба и далее в урочище Айыртам-Ой [Каллаур 1899а: 79—81]. Впервые надпись была прочитана В. В. Радловым [Радлов 1899: 85—86]. В 1899 г. Г. Гейкель, прибывший с экспедицией, в состав которой входили К. Мунк и О. Доннер, в Талас, осмотрел выявленные надписи в урочище Айыртам-Ой и нашел дополнительно еще четыре камня с надписями — два из них чуть ранее обнаружил В. А. Каллаур. Гейкель располагает все пять надписей между могильниками Алта-Бай и Айр-Тан [Каллаур 1899б: 266; Heikel 1918: 12]. Позднее, в мае того же года, В. А. Каллаур находит две короткие рунические надписи наряду с согдийскими на скалах в урочищах Кулан-Сай и Терек-Сай. В 1930 г. М. Е. Массон отметил там пять надписей [Массон 1936: 7—8, 12]. Ч. Джумагулов сообщил о шестой находке, найденной выше по ущелью [Джумагулов 1963: 32]. В 1932 г. на руднике Ачык-Таш М. Е. Массоном была обнаружена деревянная палочка с надписью [Массон 1936: 5]. Он также осмотрел наскальные надписи, открытые в ущельях Терек-Сай (3 рунические и 7 согдийских) и Кулан-Сай (2 согдийские и 1 руническая). Согдийские надписи были прочитаны В. А. Лившицем, а отдельные слова рунических надписей — С. Е. Маловым и С. Сыдыковым [Малов 1936: 27—28; Сыдыков 1964: 103; Лившиц 1981: 368—366]. В 1960 г. в том же урочище Айыртам-Ой на городище Кескен-Тобе археологами Д. Ф. Винником и П. Н. Кожемяко были обнаружены еще четыре камня с надписями (8, 9, 10 и 11-й камни) и второй камень, ранее выявленный В. А. Каллауром [Винник, Кожемяко 1962: 7—10]. Год спустя экспедиция во главе с Д. Ф. Винником, в состав которой вошли У. Асаналиев, К. Аширалиев и Ч. Джумагулов, фиксирует еще три надписи на валунах (9, 10 и 11-й) [Батманов 1962: 21; Джумагулов 1987: 12]. В следующем, 1962 г., Д. Ф. Винник обнаруживает еще один (12-й) камень с надписью [Батманов 1971: 24; Табалдиев, Алимов 2004: 279, 289]. В 1977 г. в урочище Тынбас Ч. Джумагулов выявил еще один камень (13-й) [Джумагулов 1987: 21—22; Жумагулов 2010: 41]. В 1981 г. им же открыты две рунические короткие надписи вместе с согдийской или древнеуйгурской на скалах в ущелье Куру-Бакайыр [Джумагулов 1987: 30—31]. Также Ч. Джумагулов описывает надпись на подбородке рельефа лица на плитке песчаника желтого цвета. Артефакт был найден школьным учителем В. Д. Сердюковым на территории молочной фермы на западной окраине Таласа, у арыка рядом с разрушенным курганом [там же: 36—37]. Так как описание находки опубликовано в 1987 г., скорее всего, она стала известна Ч. Джумагулову в период с 1982 по 1987 г. В 1987 г. К. Байпаков передал С. Г. Кляшторному фотографии и рисунок фрагмента каменной зернотерки с рунической надписью, обнаруженной на городище Джуван-Тобе [Кляшторный 2003: 289—290]. В 2005 г. Б. Аманбаевой, А. Сулаймановой и Ч. Жолдошовым найдена короткая надпись, состоящая из семи (?) букв, на скале в урочище Чачикей, на левом притоке Кенкола, в Таласской долине [Аманбаева и др. 2009: 7]. Две надписи на скалах были выявлены в 2016 и 2019 гг.: в долине Чачикей и на правом берегу ручья Чон-Чачикей — и прочитаны Б. Железняковым [Табалдиев и др. 2020]. Одна надпись на шее балбала из Талды-Суу — каменного изваяния тюркского времени обнаружена археологом О. Солтобаевым в 2019 г. и прочитана Т. Абдиевым [Абдиев, Табалдиев 2020: 10—11]. Таким образом, на данный момент в Таласской области опубликовано 23 надписи. Из них 13 надписей на валунах, 6 на скалах (если считать только рунические), 1 на деревянной палочке, 1 на каменном рельефе мужского лица, 1 на каменной зернотерке и 1 на шее тюркского каменного изваяния.

Помимо Таласской долины, надписи были найдены и в других регионах Кыргызстана. Так, в Баткенском районе на городище Ак-Тепе в 1961 г. Ю. Д. Баруздиным была обнаружена часть надписи на фрагменте хума [Баруздин 1962: 11—12]. В том же году Ю. Д. Баруздин пишет о некоторых знаках на ка-

менной стеле с могильника Кара-Бейит в урочище Демей в Алайском районе [Баруздин 1962: 13; Батманов 1962: 24]. В 1967 г. Ю. А. Заднепровский опубликовал рунические надписи Ферганской долины, среди которых есть надписи на фрагменте хума из городища Ак-Тепе (вместе с согдийской монетой Тархуна 700—710 гг.) и сосуде с городища Шоро-Башат, недалеко от города Узген [Заднепровский 1967: 272]. В 1998, 2000 и 2002 гг. в местностях Кёк-Сай и Калмак-Таш в Кочкорской долине К. Табалдиевым и О. Солтобаевым были открыты более 20 коротких рунических надписей, 9 из которых были опубликованы [Кляшторный 2001б: 134—141; Табалдиев, Солтобаев 2001; Худяков и др. 2002].

Одна надпись на венчике хума найдена в 2018 г. в селе Саргата Токтогульского района [Абдиев, Табалдиев 2020: 10—11].

На Иссык-Куле первая руническая надпись выявлена в 1926 г. П. П. Ивановым на берегу залива Кой-Сары, на юго-восточном побережье озера [Иванов 1957: 78—79]. Надпись представлена несколькими руническими знаками и арабскими буквами, которые были нанесены позднее [Джумагулов 1987: 33]. Оригинал камня все еще не найден, а попытка прочтения на основе фотоснимка и копии была сделана С. Е. Маловым [Малов 1929: 805]. В 2008 г. в ущелье Чийин-Таш, к югу от села Ак-Олон К. Табалдиевым и К. Белек были обнаружены две надписи. По одной из них сделано несколько интерпретаций и прочтений [Табалдиев, Белек 2008: 93—94; Alimov et al. 2010: 188—195]. Отдельное место занимает каракольская находка, опубликованная в 2015 г. Т. Абдиевым [Абдиев 2015: 3—10]. Подлинность каракольской надписи вызывает дискуссии в академической среде, поэтому требуются дополнительные исследования.

Таким образом, в настоящее время фонд рунических древнетюркских надписей Кыргызстана, учитывая новую, обнаруженную в Чет-Кой-Суу, составляет более 50. Из них опубликована 41 надпись (за исключением каракольской).

Руническая надпись Чет-Кой-Суу: прочтение и интерпретация

Массивный валун с надписью расположен в верховьях реки Чет-Кой-Суу, на правой надпойменной террасе, недалеко от входа в одноименное ущелье, на одной из каменных гряд, образованных древними моренами. Каменная гряда ориентирована с севера на юг. В 10 м к юго-западу и в 25 м к югу от валуна с надписью расположены два таш-короо — основания средневековых жилищ в виде кольцевых каменных выкладок. Первое таш-короо достигает в диаметре до 15 м, второе — до 7 м, высота камней доходит до 0,5 м. Пространство между каменными грядами, судя по наличию искусственных террас, каменных выкладок в виде стен или линий и петроглифов, интенсивно обживалось с эпохи бронзы.

Надпись представлена одной строкой, которая в конце немного опускается вниз, и состоит из 12 полных знаков. Начертание знаков выполнено в технике сплошной или точечной выбивки с последующей шлифовкой на южной стороне большого валуна на уровне 1,4—1,6 м от земной поверхности. Высота валуна составляет 2 м, ширина (по линии восток-запад) — 3 м и длина (по линии север-юг) — 3,2 м. Надпись в длину — 80 см, высота знаков колеблется от 6 до 9 см. Транслитерация надписи следующая (справа налево): **q¹ut¹l¹g¹ak¹ishl¹g¹**. В конце надписи наблюдается часть выбивки, по всей видимости, последнего знака после **g¹**, разрушенной сколом поверхности камня (возможно, знак **m**). Надпись выполнена поверх выбитых изображений козлов. В частности, выше надписи над знаками **g¹** и **a** видны два параллельно изогнутых рога, а ниже прослеживаются силуэты еще трех козлов. Знаки надписи гораздо светлее на фоне изображений животных, что говорит о том, что она была нанесена поверх уже существующего панно. По форме букв надпись похожа на таласские рунические надписи, датированные С. Г. Кляшторным 716—739 гг. — эпохой царствования Тюркешского каганата [Кляшторный 2003: 39].

Первый знак **q¹** в такой форме встречается среди таласских, кёк-сайских (Кочкорская долина, Кыргызстан) и енисейских надписей. Третий знак **t¹** также типичен для енисейских, таласских и кёк-сайских надписей.

Пятый знак **g¹** похож на один из вариантов знака, используемых в таласских и енисейских надписях — . В то же время кёк-сайский знак **g¹**, представленный как , также применяется в таласских надписях (но реже по сравнению с первым вариантом), в частности на деревянной палочке, а Чийин-Ташский (Ак-Олон, Иссык-Куль, Кыргызстан) **g¹** может рассматриваться как один из вариантов в енисейских надписях [Е-10, Е-13, Е-20, Е-40 и Е-42].

Первые пять знаков **q¹ut¹l¹g¹** читаются как *кутл(y)г*, при этом вторая гласная **u** > опущена. На одной из таласских надписей (Т-9) слово *кутлуг* пишется с обеими гласными как **q¹ut¹l¹ug¹** , а не . Согласно переводу надписи (Т-9), слово *кутлуг* используется как имя собственное [Батманов 1962: 21; Джумагулов 1963: 26]. Среди енисейских надписей (см. [Е-19 или Чаа-Хоол № 7, Малов 1952: 41]) слово *кутлуг* встречается как в таласском варианте с двумя гласными **u**, так и только с первой глас-

ной **и** и по своей смысловой нагрузке обозначает ‘обладающий жизненной силой, счастливый, благодатный, благословенный’ [Древнетюркский словарь 1969: 473; ЭСТЯ 2000: 178].

Вторая половина надписи читается как *кышл(а)г* или *кышл(ы)г* — ‘зимовье, зимнее стойбище’, а буква **а** выполняет словоразделяющую функцию. Интересно, что данное слово не встречается в орхонских, енисейских и таласских надписях. Впервые оно фиксируется в «Ырк Битиг» («Книга предзнаменований») и позже в известном словаре Махмуда Кашгари. Согласно исследователям, «Ырк Битиг» датируется 930 или 942 гг. либо VIII—IX вв. [Tekin 1994: 1; Кляшторный 2006: 195]. Словарь Махмуда Кашгари написан в 1070 г. В отличие от «Ырк Битиг», в «Диван лугат-ат-турк» отмечаются два слова — *кышлаг* и *кышлик*. Первое переводится как ‘зимовье, зимовка’, а второе — как ‘зимнее жилище, а также все, что предназначается для зимы’ [ДЛТ 2005: 432, 440]. Следовательно, надпись датируется не позднее времени создания «Ырк Битиг».

Таким образом, надпись переводится как ‘(мое) благословенное зимовье’, где ‘зимовье’ означает ‘родной дом’. В кочевых реалиях зимние пастбища имели огромное значение для выживания. Микроклиматические условия Иссык-Кульской котловины с частым отсутствием снега (особенно в западной ее части) или неглубоким снежным покровом позволяли животным самостоятельно добраться до травы и относительно успешно пережить зиму.

По содержанию надпись можно отнести к типу памятных, согласно классификации С. Г. Кляшторного [Кляшторный 2003: 367]; этот тип надписей встречается на территории Кыргызстана впервые. В то же время некоторые надписи Кёк-Сайской долины также могут классифицироваться как памятные, т. к. в нескольких повторяющихся текстах прослеживаются не только упоминание имени, рода/племени автора или лица, от имени которого была сделана надпись, но и направление к стойбищу, родному дому, где он обитал [Худяков и др. 2002: 126].

Культурная преемственность

Несмотря на лаконичность, надпись Чет-Кой-Суу имеет большое значение в свете выявленной ранее арабографической надписи Караханидского времени Кичи-Тегерек. Последняя была открыта в 2013 г. К. Белек на южном берегу озера Иссык-Куль, в местности Тон, в горах Кичи-Тегерек. Местность Кичи-Тегерек представляет собой небольшую горную впадину, хорошо освещаемую солнцем и удобную для обустройства зимовки. Надпись неглубокая, была вырезана на скале, ширина и длина букв составляет примерно 5×10 см. Длина надписи доходит до 50 см. Под влиянием погодных условий надпись немного сгладилась. При этом в силу малодоступности местности сохранность надписи оказалась хорошей. По форме текст дан простым вариантом арабографической куфийской вязи как *اسز سنر بوير قشلاقم*. Содержание текста автор читает как *Эсиз сенир бу йер кышлыкым* (в тексте статьи — *Äsiz sengir bu yer kışlakım*) и переводит на кыргызский язык как ‘Эсиз сенир бул жер кыштоом’, что в переводе на русский означает ‘Дорогой (моему сердцу) покрытый травой высокий гребень горы — это место мое зимовье’ [Belek 2018: 364—365]. Слово *эсиз* (*äsiz*) К. Белек переводит как ‘уникальный’, ‘неповторимый’ и как производные ‘священный’, ‘счастливый’, ‘почтенный’, беря за основу арабское слово *عزيز* ‘святой’. В то же время Р. Алимов посвятил отдельную статью лексикологии слова *эсиз*, где на основе анализа рунических текстов (как, например, Е-42), кыргызских и узбекских пословиц, а также текстов эпосов пришел к выводу, что, помимо общеизвестного смысла слова, означающего ‘о горе’ в рунических текстах, передаваемого в современном кыргызском языке через слово *эсил* ‘горемычный’, ‘бедненький’, ‘болезный’ [Кормушин 1997: 219, 237, 254; 2008; Юдахин 1985: 467], есть другое значение. И это значение определяется фразами ‘что-то слишком хорошее, чтобы быть’ или ‘слишком ценное, чтобы быть’. Значение слова *эсиз* определяется им как ‘ценный’, ‘драгоценный’, ‘дорогой’ [Alimov 2013: 27—28].

Таким образом, можно отметить схожесть смысловой нагрузки в текстах Чет-Кой-Суу и Кичи-Тегерек. В них мы находим общие мотивы, связанные с отношением человека к родному дому и земле, связи этого места с окружающей природой и с его образом жизни. Очевидны коллективные и семейные ценности, которые являются ключевыми для передачи традиций из поколения в поколение, несмотря на смену письменности и религии.

Династия Караханидов, будучи, по сути, кочевой тюркской династией, смогла реализовать значительные культурные и социально-экономические трансформации в Центральной Азии. Этот период ознаменовался экспансией ислама на восток, что привело к глубоким изменениям в религиозной и культурной жизни региона.

Межкультурные контакты играли ключевую роль как на западном, так и на восточном направлении. Через торговые пути, включая Великий шелковый путь, происходил активный обмен товарами, знаниями и технологиями, что способствовало экономическому развитию региона. Караханиды использовали

это преимущество для строительства городов и укрепления торговых связей, что, в свою очередь, дало толчок значительному подъему городской цивилизации.

Важнейшим нововведением стало привнесение арабского письма, которое получило широкое распространение в административной и культурной сферах. Арабская графика явилась основой для дальнейшего развития тюркских письменных традиций, что впоследствии привело к появлению таких памятников тюркской литературы, как «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари и «Кудадгу Билиг» Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни.

Надписи Чет-Кой-Суу и Кичи-Тегерек — яркий пример синтеза культур, когда тюркоязычные народы Центральной Азии не просто перенимали чужеродные элементы, а органично вплетали их в собственное культурное пространство. Таким образом, исламизация и переход к арабографическому письму не приводит к утрате местной идентичности, а способствует ее трансформации.

Надписи наглядно демонстрируют устойчивость культурной памяти и гибкость тюркских письменных традиций, которые продолжали существовать на протяжении столетий, несмотря на религиозные, политические и социально-экономические изменения. Такие элементы важны в воссоздании культурного облика средневековых обитателей побережья озера Иссык-Куль.

Л и т е р а т у р а

Абдиев 2015 — Т. К. Абдиев. Таинственная находка. Каракольская надпись // Эпиграфика Востока. 2015, 31. С. 3—10.

Абдиев, Табалдиев 2020 — Т. К. Абдиев, К. Ш. Табалдиев. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале // Mongolica. Т. XXIII, № 2. 2020. С. 8—13.

Абдыканова 2021 — А. Абдыканова. Отчет по результатам археологического обследования окрестностей с. Сары-Камыш, Чоктал и Орнок на территории Иссык-Кульского района Иссык-Кульской области. Бишкек, 2021. (Полевой отчет).

Аманбаева и др. 2009 — Б. Э. Аманбаева, А. Т. Сулайманова, Ч. М. Жолдошов. Наскальное искусство Кыргызстана (аналитический и историографический обзор). Бишкек: Бийиктик, 2009.

Бартольд 1897 — В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897.

Баруздин 1962 — Ю. Д. Баруздин. Находки на юге Киргизии // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961). Фрунзе, 1962. С. 11—13.

Батманов 1962 — И. А. Батманов. Новые тексты // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961). Фрунзе, 1962. С. 15—21.

Батманов 1971 — И. А. Батманов. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе: Илим, 1971.

Винник 1963 — Д. Ф. Винник. Новые эпиграфические памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Илим, 1963. С. 94—99.

Винник, Кожемяко 1962 — Д. Ф. Винник, П. Н. Кожемяко. Памятники древнетюркской письменности из урочища Айыртам-Ой // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961). Фрунзе, 1962. С. 3—10.

Джумагулов 1963 — Ч. Джумагулов. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе: Илим, 1963.

Джумагулов 1987 — Ч. Джумагулов. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе: Илим, 1987.

ДЛТ 2005 — Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Древнетюркский словарь 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

Жумагулов 2010 — Ч. Жумагулов. Некоторые вопросы интерпретации таласских памятников древнетюркской письменности // *Türkoloji*. 2010, 45—46. С. 36—47.

Заднепровский 1967 — Ю. А. Заднепровский. Тюркские памятники в Фергане // Советская археология. 1967, 1. С. 270—274.

Иванов 1957 — П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР. Вып. III. Фрунзе, 1957. С. 65—107.

Каллаур 1899а — В. А. Каллаур. Камень с древнетюркской надписью из Аулиеатинского уезда // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 11. 1897—1898. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1899. С. 79—83.

Каллаур 1899б — В. А. Каллаур. Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 11. 1897—1898. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1899. С. 265—271.

Кляшторный 1999 — С. Г. Кляшторный. Рунические памятники Таласа: проблема датировки и топографии // Изучение культурного наследия Востока. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 30—33.

- Кляшторный 2001a — С. Г. Кляшторный. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Известия НАН КР. Бишкек, 2001, 1 (2). С. 73—75.
- Кляшторный 2001b — С. Г. Кляшторный. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века: К 60-летию Д. Г. Савинова. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2001. С. 213—215.
- Кляшторный 2003 — С. Г. Кляшторный. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. (Азиатика).
- Кляшторный 2006 — С. Г. Кляшторный. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006.
- Кормушин 1997 — И. В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997.
- Кормушин 2008 — И. В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика и текстология. М.: Наука, 2008.
- Кызласов 2005 — И. Л. Кызласов. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // МИАК. Вып. 1. Бишкек, 2005. С. 54—67.
- Лившиц 1981 — В. А. Лившиц. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) декабрь 1979 г. Ч. 1 (2). М., 1981. С. 76—85.
- Малов 1929 — С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями в бассейне реки Талас // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 7 серия. 1929, 2. С. 799—806.
- Малов 1936 — С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса. Вып. 6—7. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 17—38.
- Малов 1952 — С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: АН СССР, 1952.
- Массон 1936 — М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. Вып. 6—7. М., 1936. С. 5—15.
- Материалы... 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). [Ч. 1]. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1969.
- ОАК 1897 — Отчет императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897.
- Постановление... 2002 — Постановление Правительства КР «Об утверждении Положения об учете, охране и реставрации и использовании объектов историко-культурного наследия» от 20 августа 2002 года № 568.
- Радлов 1899 — В. Радлов. Разбор древне-тюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 11. 1897—1898. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1899. С. 85—86.
- Сыдыков 1964 — С. Сыдыков. Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе: Илим, 1964. С. 102—106.
- Табалдиев, Алимов 2004 — К. Табалдиев, Р. Алимов. Байыркы түрктөрдүн Талас жергесинде табылган жаңы эстеликтери // Түрк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. Бишкек, 2004. С. 277—295.
- Табалдиев, Белек 2008 — К. Ш. Табалдиев, К. Белек. Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). Бишкек: Учкун, 2008.
- Табалдиев, Жолдошов 2003 — К. Ш. Табалдиев, Ч. М. Жолдошов. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // Журнал общественных наук. Бишкек: «Манас» Университети, 2003. С. 111—136.
- Табалдиев и др. 2020 — К. Ш. Табалдиев, Л. Херманн, В. В. Тишин, Б. А. Железняков. Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины) // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2020, 3 (24). С. 65—82.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 — К. Ш. Табалдиев, О. А. Солтобаев. Рунические надписи Кочкорской долины // Известия НАН КР. Бишкек, 2001, 1/2. С. 68—73.
- Худяков и др. 2002 — Ю. С. Худяков, К. Ш. Табалдиев, О. А. Солтобаев. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002, 3 (11). С. 124—131.
- Юдахин 1985 — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Около 40 000 слов. Фрунзе: Советская энциклопедия, 1985. Кн. 2: Л—Я.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межатюркские основы на буквах 'К' / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Наука, 2000.
- Alimov 2013 — R. Alimov. Eski Türk runic metinlerdeki esiz üzerine // A. Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi [TAED] 49, ERZURUM. 2013. P. 17—38.
- Alimov et al. 2010 — R. Alimov, K. Tabaldiev, K. Belek. A Newly Discovered Turkic Inscription in the Tian Shan Region: The Chiyein Tash Rock Inscription // Altai Hakpo 20. Seoul: The Altaic Society of Korea, 2010. P. 187—195.
- Belek 2018 — K. Belek. Kırgızistan'ın "Teskey" Tanrı Dağlarında Yeni Bulunan Petroglifler, Köktürk Damgalarına "Tegerek" Yazıtı // Yeditepe Üniversitesi Tarih Bölümü I. Uluslararası Türk Kültürüne Tarihi Sempozyumu 19—21 Nisan 2018 Bildiri Kitabı. Ankara, 2018. P. 363—368.

Heikel 1918 — H. T. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan // Travaux ethnographiques. VII. Helsinki, 1918.

Tekin 1994 — Mehmet Talat Tekin Irk Bitig — The Book of Omens. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1994.

References

- Abdiev 2015 — T. K. Abdiev. Tainstvennaya nakhodka. Karakol'skaya nadpis'. In: Ehpigrafika Vostoka. 2015, 31. S. 3—10. {T. K. Abdiev. Mysterious Find. Inscription from Karakol. In: Epigraphy of the East. 2015, 31. P. 3—10.}
- Abdiev, Tabaldiev 2020 — T. K. Abdiev, K. Sh. Tabaldiev. Novye nakhodki: tyurkskie runicheskie nadpisi na khume i balbale. In: Mongolica. 2020. T. XXIII, № 2. S. 8—13. {T. K. Abdiev, K. Sh. Tabaldiev. New finds: Turkic runic inscriptions on hum and balbal. In: Mongolica. Vol. XXIII, No. 2. 2020. P. 8—13.}
- Abdykanova 2021 — A. Abdykanova. Otchet po rezul'tatam arkheologicheskogo obsledovaniya okrestnostei s. Sary-Kamysh, Choktal i Ornok na territorii Issyk-Kul'skogo raiona Issyk-Kul'skoi oblasti. Bishkek, 2021. (Polevoi otchet). {A. Abdykanova. Report on the results of an archaeological survey of the vicinity of the villages of Sary-Kamysh, Choktal and Ornok in the Issyk-Kul region of the Issyk-Kul province. Bishkek, 2021. (Field report).}
- Alimov 2013 — R. Alimov. Eski Türk runic metinlerdeki esiz üzerine. In: A. Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi [TAED] 49, ERZURUM. 2013. P. 17—38. {R. Alimov. On uniqueness in ancient Turkish runic texts. In: Atatürk University Journal of Turkish Studies Institute [TAED] 49, ERZURUM. 2013. P. 17—38.}
- Alimov et al. 2010 — R. Alimov, K. Tabaldiev, K. Belek. A Newly Discovered Turkic Inscription in the Tian Shan Region: The Chiyin Tash Rock Inscription. In: Altai Hakpo 20. Seoul: The Altaic Society of Korea. 2010. P. 187—195.
- Amanbaeva i dr. 2009 — B. E. Amanbaeva, A. T. Sulaimanova, Ch. M. Zholdoshev. Naskal'noe iskusstvo Kyrgyzstana (analiticheskii i istoriograficheskii obzor). Bishkek: Biyiktik, 2009. {B. E. Amanbaeva, A. T. Sulaimanova, Ch. M. Zholdoshev. Rock art of Kyrgyzstan (analytical and historiographic review). Bishkek: Biyiktik, 2009.}
- Bartol'd 1897 — V. V. Bartol'd. Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoi tsel'yu. 1893—1894 gg. Sankt-Peterburg, 1897. {V. V. Bartol'd. Report on a scientific trip to Central Asia. 1893—1894. St. Petersburg, 1897.}
- Baruzdin 1962 — Yu. D. Baruzdin. Nakhodka na yuge Kirgizii. In: Novye ehpigraficheskie nakhodka v Kirgizii (1961). Frunze, 1962. S. 11—13. {Yu. D. Baruzdin. New finds in the south of Kyrgyzstan. In: New epigraphic finds in Kyrgyzstan (1961). Frunze, 1962. P. 11—13.}
- Batmanov 1962 — I. A. Batmanov. Novye teksty. In: Novye ehpigraficheskie nakhodka v Kirgizii (1961). Frunze, 1962. S. 15—21. {I. A. Batmanov. New texts. In: New epigraphic finds in Kyrgyzstan (1961). Frunze, 1962. P. 15—21.}
- Batmanov 1971 — I. A. Batmanov. Talasskie pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti. Frunze: Ilim, 1971. {I. A. Batmanov. Talas monuments of ancient Turkic writing. Frunze: Ilim, 1971.}
- Belek 2018 — K. Belek. Kirgizistan'ın “Teskey” Tanrı Dağlarında Yeni Bulunan Petroglifler, Köktürk Damgaları ve “Tegerek” Yazıtı. In: Yeditepe Üniversitesi Tarih Bölümü I. Uluslararası Türk Kültürüne Tarihi Sempozyumu 19—21 Nisan 2018 Bildiri Kitabı. Ankara, 2018. P. 363—368. {K. Belek. Newly Discovered Petroglyphs, Gokturk Stamps and “Tegerek” Inscription in “Teskey” Tanrı Mountains of Kyrgyzstan. In: Yeditepe University History Department 1st International Turkish Culture and History Symposium 19—21 April 2018 Proceedings Book. Ankara, 2018. P. 363—368.}
- DLT 2005 — Makhmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk / Perevod, predislovie i kommentarii Z.-A. M. Auezhovoi. Indeksy sostavleny R. Ehrmersom. Almaty: Daik-Press, 2005. {Makhmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk / Transl., preface and commentary by Z.-A. M. Auezhova. Indexes compiled by R. Ermers. Almaty: Daik-Press, 2005.}
- Drevnetyurkskii slovar' 1969 — Drevnetyurkskii slovar'. Leningrad: Nauka, 1969. {Old Turkic Dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.}
- Dzhumagulov 1963 — Ch. Dzhumagulov. Ehpigrafika Kirgizii. Vyp. 1. Frunze: Ilim, 1963. {Ch. Dzhumagulov. Epigraphy of Kyrgyzstan. Issue 1. Frunze: Ilim, 1963.}
- Dzhumagulov 1987 — Ch. Dzhumagulov. Ehpigrafika Kirgizii. Vyp. 3. Frunze: Ilim, 1987. {Ch. Dzhumagulov. Epigraphy of Kyrgyzstan. Issue 3. Frunze: Ilim, 1987.}
- EHSTYA 2000 — Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu ‘K’ / Avt. slovarnykh statei L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moskva: Nauka, 2000. {Etymological dictionary of Tyurkish languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter ‘K’ / By L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moscow: Nauka, 2000.}
- Heikel 1918 — N. T. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. In: Travaux ethnographiques. VII. Helsinki, 1918. {N. T. Heikel. Antiquities from the Tale of Talas in Turkestan. In: Ethnographic Works. VII. Helsinki, 1918.}
- Ivanov 1957 — P. P. Ivanov. Materialy po arkheologii kotloviny Issyk-Kulya. In: Trudy Instituta istorii Akademii nauk Kirgizskoi SSR. Vyp. III. Frunze, 1957. S. 65—107. {P. P. Ivanov. Materials on the archeology of the Issyk-Kul basin. In: Works of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR. Issue III. Frunze, 1957. P. 65—107.}
- Kallaur 1899a — V. A. Kallaur. Kamen' s drevnetyurkskoi nadpis'yu iz Aulieatinskogo uezda. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva. T. 11. 1897—1898. Sankt-Peterburg: Tipografiya

Imperatorskoi akademii nauk, 1899. S. 79—83. {V. A. Kallaur. Stone with an ancient Turkic inscription from the Aulieatinsky district. In: Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Vol. 11. 1897—1898. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1899. P. 79—83.}

Kallaur 1899b — V. A. Kallaur. Novaya arkheologicheskaya nakhodka v Aulieatinskom uezde. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Tom odinnadtsatyi. 1897—1898. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1899. S. 265—271. {V. A. Kallaur. Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Vol. 11. 1897—1898. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1899. P. 265—271.}

Khudyakov i dr. 2002 — Yu. S. Khudyakov, K. Sh. Tabaldiev, O. A. Soltobaev. Kompleks pamyatnikov s runicheskimi nadpisyami v mestnosti Kok-Sai v Kochkorskoj doline na Tyan'-Shane. In: Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2002, 3 (11). S. 124—131. {Yu. S. Khudyakov, K. Sh. Tabaldiev, O. A. Soltobaev. Complexes of monuments with runic inscriptions in the Kok-Sai area in the Kochkorskoj valley on the Tyan'-Shane. In: Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2002, 3 (11). P. 124—131.}

Klyashtornyi 1999 — S. G. Klyashtornyi. Runicheskie pamyatniki Talasa: problema datirovki i topografii. In: Izuchenie kul'turnogo naslediya Vostoka. Sankt-Peterburg: Evropeiskii dom, 1999. S. 30—33. {S. G. Klyashtornyi. Runic monuments of Talas: the problem of dating and topography. In: Study of the cultural heritage of the East. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 1999. P. 30—33.}

Klyashtornyi 2001a — S. G. Klyashtornyi. Novye otkrytiya drevnetyurkskikh runicheskikh nadpisei na Tsentral'nom Tyan'-Shane. In: Izvestiya NAN KR. Bishkek, 2001, 1 (2). S. 73—75. {S. G. Klyashtornyi. New discoveries of ancient Turkic runic inscriptions in the Central Tien Shan. In: Bulletin of the NAS KR. Bishkek, 2001, 1 (2). P. 73—75.}

Klyashtornyi 2001b — S. G. Klyashtornyi. Vsadniki Kochkorskoj doliny. In: Evraziya skvoz' veka: K 60-letiyu D. G. Savinova. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2001. S. 213—215. {S. G. Klyashtornyi. Riders of the Kochkor Valley. In: Eurasia through the Ages: On the 60th Anniversary of D. G. Savinov. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2001. P. 213—215.}

Klyashtornyi 2003 — S. G. Klyashtornyi. Istoriya Tsentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. (Aziatika). {S. G. Klyashtornyi. History of Central Asia and Monuments of Runic Writing. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. (Asiatika).}

Klyashtornyi 2006 — S. G. Klyashtornyi. Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Tsentral'noi Azii. Sankt-Peterburg: Nauka, 2006. {S. G. Klyashtornyi. Monuments of ancient Turkic writing and the ethnocultural history of Central Asia. St. Petersburg: Nauka, 2006.}

Kormushin 1997 — I. V. Kormushin. Tyurkskie eniseiskie ehpitafii. Teksty i issledovaniya. Moskva: Nauka, 1997. {I. V. Kormushin. Turkic Yeniseian Epitaphs. Texts and Research. Moscow: Nauka, 1997.}

Kormushin 2008 — I. V. Kormushin. Tyurkskie eniseiskie ehpitafii: grammatika i tekstologiya. Moskva: Nauka, 2008. {I. V. Kormushin. Turkic Yeniseian Epitaphs: Grammar and Textology. Moscow: Nauka, 2008.}

Kyzlasov 2005 — I. L. Kyzlasov. Prochtenie naskal'nykh runicheskikh nadpisei Kyrgyzstana. In: MIAK. Vyp. 1. Bishkek: Ilim, 2005. S. 54—67. {I. L. Kyzlasov. Reading the Rock Runic Inscriptions of Kyrgyzstan. In: MIAK. Issue 1. Bishkek: Ilim, 2005. P. 54—67.}

Livshits 1981 — V. A. Livshits. Sogdiitsy v Semirech'e: lingvisticheskie i ehpiigraficheskie svidetel'stva. In: Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XV godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya) dekabr' 1979 g. Chast' 1 (2). Moskva, 1981. S. 76—85. {V. A. Livshits. Sogdians in Semirechye: Linguistic and Epigraphic Evidence. In: Written Monuments and Problems of the History of Culture of the Peoples of the East. XV Annual Scientific Session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (reports and communications), December 1979. Part 1 (2). Moscow, 1981. P. 76—85.}

Malov 1929 — S. E. Malov. Drevneturetskie nadgrobiya s nadpisyami v basseine reki Talas. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk. 7 seriya. 1929, 2. S. 799—806. {S. E. Malov. Ancient Turkish tombstones with inscriptions in the Talas River basin. In: Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Humanities. 7 series. 1929, 2. P. 799—806.}

Malov 1936 — S. E. Malov. Talasskie ehpiigraficheskie pamyatniki. In: Materialy Uzkomstarisa. Vyp. 6—7. Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1936. S. 17—38. {S. E. Malov. Talas epigraphic monuments. In: Materials of Uzkomstaris. Issues 6—7. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1936. P. 17—38.}

Malov 1952 — S. E. Malov. Eniseiskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody. Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1952. {S. E. Malov. Yeniseian writing of the Turks. Texts and translations. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1952.}

Masson 1936 — M. E. Masson. K istorii otkrytiya drevneturetskikh runicheskikh nadpisei v Srednei Azii. In: Materialy Uzkomstarisa. Vyp. 6—7. Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1936. S. 5—15. {M. E. Masson. On the History of the Discovery of Ancient Turkish Runic Inscriptions in Central Asia. In: Proceedings of Uzkomstaris. Issues 6—7. Moscow; Leningrad: AN SSSR 1936. P. 5—15.}

Materialy... 1969 — Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV—XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenii). [Ch. 1]. Alma-Ata: Nauka, 1969. {Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th—18th centuries (extracts from Persian and Turkic works). [Part 1]. Alma-Ata: Nauka, 1969.}

OAK 1897 — Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1895 god. Sankt-Peterburg, 1897. {Report of the Imperial Archaeological Commission for 1895. St. Petersburg, 1897.}

Postanovlenie... 2002 — Postanovlenie Pravitel'stva KR “Ob utverzhdenii Polozheniya ob uchete, okhrane i restavratsii i ispol'zovanii ob'ektov istoriko-kul'turnogo naslediya” ot 20 avgusta 2002 goda № 568. {Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic “On approval of the Regulation on the registration, protection, restoration and use of historical and cultural heritage sites” dated August 20, 2002, No. 568.}

Radlov 1899 — V. Radlov. Razbor drevne-tyurkskoi nadpisi na kamne, naidennom na urochishche Airtam-oi v Kenkol'skoi volosti Aulieatinskogo uezda. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva. T. 11. 1897—1898. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1899. S. 85—86. {V. Radlov. Analysis of the ancient Turkic inscription on the stone found in the Airtam-oy tract in the Kenkol volost of the Aulieatinsky district. In: Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. T. 11. 1897—1898. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1899. P. 85—86.}

Sydykov 1964 — S. Sydykov. Drevnie nadpisi v ushchel'yakh Kulan-Sai i Terek-Sai. In: Materialy po obshchei tyurkologii i dunganovedeniyu. Frunze: Ilim, 1964. S. 102—106. {S. Sydykov. Ancient inscriptions in the Kulan-Sai and Terek-Sai gorges. In: Materials on general Turkology and Dungan studies. Frunze: Ilim, 1964. P. 102—106.}

Tabaldiev, Alimov 2004 — K. Tabaldiev, R. Alimov. Baiyrky tyrktördyn Talas zhergesinde tabylgan zhany ehstelikteri. In: Tyrk tsivilizatsiyasy zhana mamlekettik salty. Bishkek, 2004. S. 277—295. {K. Tabaldiev, R. Alimov. New monuments of the ancient Turks discovered in the Talas region. In: Turkic civilization and state tradition. Bishkek, 2004. P. 277—295.}

Tabaldiev, Belek 2008 — K. Sh. Tabaldiev, K. Belek. Pamyatniki pis'mennosti na kamne Kyrgyzstana (svod pamyatnikov pis'mennosti na kamne). Bishkek: Uchkun, 2008. {K. Sh. Tabaldiev, K. Belek. Monuments of writing on stone in Kyrgyzstan (corpus of a monuments of writing on stone). Bishkek: Uchkun, 2008.}

Tabaldiev i dr. 2020 — K. Sh. Tabaldiev, L. Kherrmann, V. V. Tishin, B. A. Zheleznyakov. Novye runopodobnye nadpisi v Kenkole (verkhov'ya Talasskoi doliny). In: Narody i religii Evrazii. Barnaul, 2020, 3 (24). S. 65—82. {K. Sh. Tabaldiev, L. Kherrmann, V. V. Tishin, B. A. Zheleznyakov. New rune-like inscriptions in Kenkol (upper reaches of the Talas Valley). In: Peoples and Religions of Eurasia. Barnaul, 2020, 3 (24). P. 65—82.}

Tabaldiev, Soltobaev 2001 — K. Sh. Tabaldiev, O. A Soltobaev. Runicheskie nadpisi Kochkorskoj doliny. In: Izvestiya NAN KR. Bishkek, 2001, 1—2. S. 68—73. {K. Sh. Tabaldiev, O. A Soltobaev. Runic inscriptions of the Kochkor Valley. In: News of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Bishkek, 2001, 1—2. P. 68—73.}

Tabaldiev, Zholdoshev 2003 — K. Sh. Tabaldiev, Ch. M. Zholdoshev. Obraztsy izobrazitel'noi deyatel'nosti drevnetyurkskikh plemen Tenir-Too. In: “Manas” Universiteti. Zhurnal obshchestvennykh nauk. Bishkek, 2003. S. 111—136. {K. Sh. Tabaldiev, Ch. M. Zholdoshev. Samples of visual activity of the ancient Turkic tribes of Tenir-Too. In: Journal of Social Sciences. Bishkek: “Manas” University, 2003. P. 111—136.}

Tekin 1994 — Mehmet Talat Tekin. Irk Bitig — The Book of Omens. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1994.

Vinnik 1963 — D. F. Vinnik. Novye ehpiigraficheskie pamyatniki Talasskoi doliny. In: Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoi doliny. Frunze: Ilim, 1963. S. 94—99. {D. F. Vinnik. New epigraphic monuments of the Talas Valley. In: Archaeological monuments of the Talas Valley. Frunze: Ilim, 1963. P. 94—99.}

Vinnik, Kozhemyako 1962 — D. F. Vinnik, P. N. Kozhemyako. Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti iz urochishcha Aiyrtam-Oi. In: Novye ehpiigraficheskie nakhodki v Kirgizii (1961). Frunze, 1962. S. 3—10. {D. F. Vinnik, P. N. Kozhemyako. Monuments of ancient Turkic writing from the Aiyrtam-Oi tract. In: New epigraphic finds in Kyrgyzstan (1961). Frunze, 1962. P. 3—10.}

Yudakhin 1985 — K. K. Yudakhin. Kirgizsko-russkii slovar': V 2 knigakh. Okolo 40 000 slov. Frunze: Sovetskaya entsiklopediya, 1985. Kn. 2: L—Ya. {K. K. Yudakhin. Kyrgyz-Russian dictionary: In 2 books. About 40 000 words. Frunze: Sovetskaya entsiklopediya, 1985. Book 2: L—Z.}

Zadneprovskii 1967 — Yu. A. Zadneprovskii. Tyurkskie pamyatniki v Fergane. In: Sovetskaya arkheologiya. 1967, 1. S. 270—274. {Yu. A. Zadneprovskii. Turkic monuments in Fergana. In: Soviet archeology. 1967, 1. P. 270—274.}

Zhumagulov 2010 — Ch. Zhumagulov. Nekotorye voprosy interpretatsii talasskikh pamyatnikov drevnetyurkskoi pis'mennosti. In: Türkoloji. 2010, 45—46. S. 36—47. {Ch. Zhumagulov. Some issues of translation of Talas monuments of ancient Turkic writing. In: Türkoloji. 2010, 45—46. P. 36—47.}

Zhumagulov 2010 — Ch. Zhumagulov. Nekotorye voprosy interpretatsii talasskikh pamyatnikov drevnetyurkskoi pis'mennosti. In: Türkoloji. 2010, 45—46. S. 36—47. {Ch. Zhumagulov. Some issues of interpretation of Talas monuments of ancient Turkic writing. In: Türkoloji. 2010, 45—46. P. 36—47.}

Reflexive possessives in Tungusic: Comparison of Bystraja Even and Uilta

Anton Buzanov, HSE University, Institute of Linguistics RAS (Moscow); anton.buzanov.00@gmail.com
Svetlana Toldova, HSE University (Moscow); toldova@yandex.ru

This paper examines reflexive possessive constructions in two Tungusic languages, Bystraja Even and Uilta. Its focus is on reflexive possessive agreement, an uncommon and typologically significant feature that has been documented in only a handful of language families worldwide. We investigate the morphological, syntactic, and semantic characteristics of these constructions, showing how each language implements them.

We provide a detailed account of the reflexivity systems in Bystraja Even and Uilta, outlining all available strategies for expressing reflexive meaning. We describe the formation of reflexive elements, their relationship to intensifiers, and propose a new interpretation of the absence of accusative case on reflexively marked nominals.

We then compare the reflexive possessive systems of Bystraja Even and Uilta with regard to person and number restrictions, reflexive pronoun formation, same-subject marking, usage in verbal contexts, and associative plural interpretations. While the two languages share many general properties, their subtle differences illuminate the complexity and variability of reflexive possessive agreement within closely related languages. These findings highlight how morphosyntactic features can evolve differently even among genetically close languages. Further extending our analysis to other Tungusic languages, we situate Bystraja Even and Uilta within the broader family context and typological landscape. We discuss the implications of reflexive possessive agreement for theories of binding and agreement, proposing that reflexive possessive indexes in these languages are best analysed as instances of agreement with reflexive pronouns rather than as separate reflexivity strategies.

Keywords: reflexives, possessive constructions, Tungusic languages, morphosyntactic typology

РЕФЛЕКСИВНАЯ ПОСЕССИВНОСТЬ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ: СРАВНЕНИЕ БЫСТРИНСКОГО ЭВЕНСКОГО И УЙЛЬТИНСКОГО

Бузанов Антон Олегович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт языкознания РАН (Москва); anton.buzanov.00@gmail.com
Толдова Светлана Юрьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
toldova@yandex.ru

В работе исследуются рефлексивно-посессивные конструкции в двух тунгусо-маньчжурских языках — быстринском эвенском и уйльтинском. Основное внимание уделяется рефлексивному посессивному согласованию — редкому и типологически значимому явлению, зафиксированному лишь в нескольких языковых семьях мира.

В статье подробно описываются все доступные стратегии выражения рефлексивного значения в быстринском эвенском и уйльтинском. Рассматривается морфология рефлексивных элементов, их связь с интенсификаторами, и предлагается новая интерпретация отсутствия винительного падежа у рефлексивно маркированных существительных. Кроме того, в работе сравниваются рефлексивно-посессивные системы двух языков с точки зрения ограничений по лицу и числу, образования рефлексивных местоимений, употребления в глагольных контекстах и т. д. Мы предлагаем анализировать рефлексивные посессивные показатели как случаи согласования с рефлексивными местоимениями, а не как отдельные стратегии рефлексивности. Расширяя анализ на другие тунгусские языки, мы помещаем быстринский эвенский и уйльтинский в более широкий генеалогический и типологический контекст.

Ключевые слова: рефлексивы, посессивные конструкции, тунгусо-маньчжурские языки, морфосинтаксическая типология

1. Introduction

This paper examines reflexive possessive constructions in two Tungusic languages: Even and Uilta. Bystraja Even, a Northern Tungusic language, has approximately 5,700 speakers, while Uilta, a Southern Tungusic language, has only 26—47 remaining speakers, according to the 2010 Russian census.

Our data on Bystraja Even were collected between 2019 and 2024 in the villages of Esso and Anavgaj in the Bystrinskij district of the Kamchatskij region. Thus, our data reflect the Bystraja variety of Even, which may differ from the literary variety spoken in Ola, Magadan region. In this paper, we use Bystraja Even as a representative of Even; however we admit that the literary variety can be different in some aspects.

The Uilta data come from the city of Poronajsk and the village of Val in the Sakhalinskij region. The analysis primarily relies on our personal field data from 2021, supplemented by existing grammatical descriptions when necessary. Unless otherwise noted, all examples are drawn from our personal archives.

Even and Uilta are highly agglutinative and exclusively suffixing. They follow a nominative-accusative alignment. Direct objects are marked with the accusative case, while subjects — both S and A arguments — remain unmarked. Finite verbs index the person and number of the subject, and nouns index the person and number of the possessor. The basic constituent order is SOV, although SVO may occur, especially under the influence of Russian. Since some of the examples presented in this study are elicited, SVO word order may appear in the data.

Haspelmath [2023] identifies several types of reflexive constructions, including adpossession reflexive constructions. In such constructions, the coreferential anaphoric form, which we call *reflexive* following Haspelmath [ibid.], is the adnominal possessor of the object or some other non-subject participant. For example, in Russian, there is an obligatory distinction between subject-coreferential and subject-disjoint adpossession person forms, as illustrated in (1).

(1) Russian, personal knowledge

star'ik prišo-l-Ø v svoj-Ø / ego dom-Ø
 old.man(M) come-PST-M.SG in own-M.ACC / his house-ACC
 ‘The old man_i came to his_{i/*j}/his_{j/*i} house.’

The paper examines the phenomenon of reflexive possessive indexes — one of the possible instances of adpossession reflexive constructions. By reflexive possessive indexes, we mean the special markers that appear on a noun in contexts of coreference between the possessor of the noun and the other participant in the clause.

In example (2) from Bystraja Even, the morpheme *-ji* shows that the possessor of *žu* ‘house’ is coreferential with the subject *etiken* ‘old man’.¹ A similar example from Evenki is cited in [ibid.: 40].

(2) Bystraja Even

etiken žu-tki-ji em-ni-n
 old.man house-DIR-POSS.REFL.SG come-PST-3SG
 ‘The old man_i came to his_i house.’

Reflexive possessive indexes represent a head-marking strategy, as the marker appears on the possessum, i.e., the head. In contrast, reflexive possessive pronoun forms — whether special possessive pronouns or regular genitive forms of a reflexive pronoun — are a dependent-marking strategy, where the possessive relationship is marked on the possessor, i.e., the dependent. In (1), no dedicated morphology appears on the head noun *dom* ‘house’; instead, a special reflexive possessive pronoun is used. Thus, reflexive possessive indexes serve as the head-marking counterpart to reflexive possessive pronoun forms.

We argue that reflexive possessive indexes and reflexive possessive pronoun forms fulfil exactly the same function and convey exactly the same possessive semantics.² The only distinction lies in the locus of marking in the sense of [Nichols, Bickel 2013].

This paper explores the non-possessive functions of reflexive possessive indexes in Bystraja Even and Uilta. Our analysis is enriched by data from other languages with dedicated reflexive possessive indexes presented in [Buzanov 2022]. By focusing on two closely related languages, we provide a more nuanced examination of the markers’ functions while still considering the broader typological context.

¹ In Bystraja Even, compared to the literary variety, some suffixes underwent lengthening. In the literary variety, POSS.1SG and POSS.REFL.SG are realized as *-w* and *-j* after vowels, respectively, compared to Bystraja Even *-wu* and *-ji*.

² It is beyond the scope of this paper what meanings are considered possessive. We use the term *possessive* to cover all the meanings associated with a possessive construction within a language. We more or less stick to the definitions from [Nichols, Bickel 2013].

The paper is structured as follows. Section 2 briefly discusses the notion of the reflexive possessive construction. Section 3 outlines the means of expressing reflexive meaning in Bystraja Even and Uilta. Section 4 provides a detailed comparison of data from these two languages. Section 5 examines how other Tungusic languages differ from Bystraja Even and Uilta. Section 6 concludes the paper.

2. Reflexive possessive constructions

This paper examines reflexive constructions. Following [Haspelmath 2023: 20], we define a reflexive construction as a grammatical construction that is restricted to contexts where two participants in the clause are coreferential and that includes a special form indicating this coreference.

The two most common special forms are dedicated reflexive pronouns [Chomsky 1981; Haspelmath 2008] and middle voice markers [Kemmer 1993]. Reflexive pronouns can sometimes be difficult to distinguish from reflexive clitics on the verb, which occupy an intermediate position between reflexive pronouns and middle voice markers. However, in the languages under investigation, reflexive pronouns are easily identifiable. This paper does not address verbal morphology that conveys reflexive meaning. The only exception is Section 4.5.

Tungusic languages exhibit a largely overlooked reflexive strategy. **Reflexive possessive indexes** are traditionally considered a dedicated means of indicating that the possessor is coreferential with the subject [Cincius 1947: 136 on Even; Ozolinja 2013: 125 on Uilta]. In the next section, we demonstrate that this is not a distinct strategy but rather a form of agreement with a reflexive pronoun.

As we stated in the previous section, head-marking and dependent-marking reflexive possessives serve the same function: both indicate that the possessor is coreferential with another participant in the clause.

Haspelmath [2008] examines a variety of languages and their strategies for expressing reflexivity. He demonstrates that languages with dedicated reflexive possessive pronouns, such as English and Lezgian, are common. Both languages feature argument reflexives, but English lacks special reflexive possessives (*She_i killed her_i lover*), whereas Lezgian does, as shown in example (3). Haspelmath [ibid.] notes that “[b]oth the English type and the Lezgian type seem to be very widespread”.

(3) Lezgian (North-East Caucasian) from [ibid.: 41]

Ali-diz wič-in ruš akuna

Ali-DAT self-GEN girl saw

‘Ali_i saw his_i daughter.’

Despite detailed descriptions of languages such as Lezgian (or Russian) in the literature (e.g., [Reuland 2007; 2011; Despić 2015]), research on head-marking reflexive possessives remains scarce due to the rarity of the phenomenon, which is observed in only a few languages worldwide. Reflexive possessives similar to those in Tungusic languages are observed in some languages from the following families: Bororo, Macro-Je, Hokan, Eskimo-Aleut, and Timor-Alor-Pantar [Buzanov 2022: 6].³

To examine this rare phenomenon in detail, we analyse data from two closely related languages that exhibit it. The next section explores reflexivity systems in Bystraja Even and Uilta, followed by a comparative analysis of the two.

3. Reflexivity in Bystraja Even and Uilta

This section explores the strategies used to express reflexivity in Bystraja Even and Uilta, with a particular focus on reflexive possessives. After a brief typological background, we examine the morphological and syntactic properties of reflexive possessives and reflexive pronouns in each language. Special attention is paid to the distribution and structure of possessive indexes, as well as to how reflexive stems function in adnominal and adverbial contexts. Based on this comparison, we argue that reflexive possessive suffixes in both languages reflect agreement with a reflexive pronoun rather than an independent encoding of reflexivity. The section concludes with a summary of the main patterns.

³ Languages with reflexive possessives can be divided into two groups:

1. Languages where reflexive possessive indexes, as well as personal possessive indexes, allow the overt expression of possessors alongside possessive indexes.
2. Languages that prohibit the co-occurrence of possessors with any possessive indexes, including reflexive ones.

Tungusic languages, along with the aforementioned families, fall into the second category. Importantly, our analysis of languages beyond Even and Uilta centers on the co-occurrence of personal possessors with personal possessive markers, as information on overt reflexive possessors is often missing from grammatical descriptions.

3.1. Syntactic properties of reflexives and possessive reflexives

Haspelmath [2008] and Despić [2015] observe that the existence of reflexive possessives presupposes the existence of a dedicated reflexive pronoun in argument positions. Even and Uilta fit well within this typological profile: they possess dedicated reflexive pronouns *meni/mepi* and corresponding reflexive possessive forms *men/men(e)*, both of which participate in syntactic binding. Even reflexives show standard syntactic behavior characteristic of anaphors — such as licensing sloppy readings (4) and being bound by quantifiers (5). For the sake of space, we do not provide all parallel examples from Uilta, which behaves the same in all relevant aspects unless otherwise stated.

(4) Bystraja Even

bi it-tə-wu men-i zerkale-le al'ek=da
 1SG see-PST-1SG REFL-POSS.REFL.SG mirror-LOC Oleg=ADD
 ‘I saw myself in the mirror, and Oleg did too [= saw himself in the mirror].’

(5) Bystraja Even

ŋi=de e-š-ni men-i nei-r
 who=ADD NEG.PRED-NFUT-3SG REFL-POSS.SG scold-CVB.NEG
 ‘Nobody scolds themselves.’

Reflexives in these two languages thus comply with the binding requirements postulated in classical Government and Binding theory [Chomsky 1981]. Binding is defined as a structural relation between two coindexed expressions where the binder c-commands the bindee, and no intervening coindexed expression c-commands the bindee and is c-commanded by the binder [ibid.: 59].

In Even and Uilta, as in many other languages, the subject occupies a structurally prominent position that makes it the most natural and most frequent binder for reflexive elements. Regardless of the syntactic position in which the reflexive appears — whether as a direct object, an indirect object, or an oblique argument — the subject is the default antecedent. Even and Uilta data confirm this generalization: in sentences with multiple potential antecedents, the subject is overwhelmingly preferred as the binder, and non-subject binding tends to require additional contextual support or results in degraded acceptability (6).

(6) Bystraja Even

ʔekən kuŋa-l-du me-r-ur ič-uka-či-d-de-n fotografija-la
 mother child-PL-DAT REFL-PL-POSS.REFL.PL see-CAUS-RES-PROG-NFUT-3SG photo-LOC
 ‘The mother is showing the children a photo in which they appear.’
 Lit.: ‘The mother is showing the children themselves in the photo.’

This is consistent with the widely attested cross-linguistic pattern in which syntactic subjects have privileged access to binding reflexive pronouns due to their high structural position and c-commanding scope.

3.2. Reflexivity in Bystraja Even

This subsection summarizes the findings of [Buzanov 2021]. In Bystraja Even, reflexive meaning can be conveyed in several ways, including reflexive possessive suffixes and dedicated reflexive pronouns.

The paradigm for Bystraja Even personal possessive suffixes is presented in Table 1a, where the left-hand column indicates the characteristics of the possessor, and the right-hand column displays the phonetic realization of the suffixes. These possessive suffixes vary according to person, number, and clusivity.

The reflexive possessive indexes, shown in Table 1b, are organized differently. The reflexive possessive affixes do not differ in person, which is why they are called non-personal possessives in [Cincius 1947]. To our knowledge, the resemblance between POSS.REFL.PL *-wur* and POSS.1SG *-wu* — which appears as *-w* in the standard variety of Even — is coincidental.

Table 1. Possessive suffixes in Bystraja Even

(a) Personal possessive suffixes		(b) Reflexive possessive suffixes			
POSS	morpheme	POSS	morpheme	POSS.REFL	morpheme
1SG	<i>-wu/-bu/-u</i>	1PL.INC	<i>-t/-ti</i>	SG	<i>-i/-ji/-mi/-bi</i>
2SG	<i>-š/-ši</i>	1PL.EXC	<i>-wun/-bun/-un</i>	PL	<i>-wur/-bur/-ur</i>
3SG	<i>-n/-ni</i>	2PL	<i>-šAn</i>		
		3PL	<i>-tAn</i>		

The Tungusic family is one of only two language families known to have distinct reflexive possessive morphemes for singular and plural possessors [Buzanov 2022]. Accordingly, Bystraja Even exhibits two sets of reflexive possessive indexes: one for singular possessors and another for plural possessors. The only other family displaying similar behavior is Eskimo-Aleut.

Regarding reflexive pronouns in Bystraja Even, they follow the same morphological template as nouns. The order of morphemes is as follows: BASE + NUMBER + CASE + POSSESSIVE SUFFIX (7).

(7) Bystraja Even

anton uke-ri-n oj-i men-duk-i
 Anton throw-PST-3SG clothes-POSS.REFL.SG REFL-ABL-POSS.REFL.SG
 ‘Anton threw the clothes away [from himself].’

The base of the reflexive pronoun is *men* ‘REFL,’ with the plural form *me-r* ‘REFL-PL,’ following regular morphophonological rules. Case suffixes attach after the number marker, aligning closely with those used for nouns (Table 2a).⁴ Reflexive possessive affixes are added after the case suffixes.

Table 2b presents the declension of reflexive pronouns. Since the instrumental allomorph is voiced in intervocalic positions, the allomorph *-ž* is a regular one. However, the combination of the dative *-du* with POSS.REFL.SG *-i* results in unexpected monophthongization, yielding *-di* instead of *-duj*. Similarly, the combination of dative *-du* with POSS.REFL.PL *-wur* becomes *-dur*. These same allomorphic alternations are also observed in regular nouns that take reflexive possessive suffixes.

Table 2. Declension of nouns ending with *-n* and reflexive pronouns in Bystraja Even

(a) Case suffixes of nouns ending with <i>-n</i>				(b) Reflexive pronoun declension		
CASE	suffiX	POSS.REFL.SG	POSS.REFL.PL		SG	PL
ACC	<i>-m</i>	<i>-mi</i>	<i>-mur</i>	ACC	<i>men-i</i>	<i>me-r-ur</i>
DAT	<i>-du</i>	<i>-di</i>	<i>-dur</i>	DAT	<i>men-d-i</i>	<i>me-r-d-ur</i>
INS	<i>-č</i>	<i>-ži</i>	<i>-žur</i>	INS	<i>men-ž-i</i>	<i>me-r-ž-ur</i>
LOC	<i>-dulA</i>	<i>-dulAj</i>	<i>-dulAwur</i>	LOC	<i>men-dule-j</i>	<i>me-r-dule-wur</i>
PROL	<i>-duli</i>	<i>-duliji</i>	<i>-duliwur</i>	PROL	<i>men-duli-ji</i>	<i>me-r-duli-wur</i>
DIR	<i>-tAki</i>	<i>-tAkiji</i>	<i>-tAkiwur</i>	DIR	<i>men-teki-ji</i>	<i>me-r-teki-wur</i>
DLOC	<i>-kLA</i>	<i>-kLAji</i>	<i>-kLAwur</i>	DLOC	<i>men-kLA-ji</i>	<i>me-r-kLA-wur</i>
ABL	<i>-duk</i>	<i>-duki</i>	<i>-dukur</i>	ABL	<i>men-duk-i</i>	<i>me-r-duk-ur</i>

The forms *men/mer* (i.e. stems for singular and plural reflexive pronouns, respectively) are forms that function as reflexive possessive pronouns when used alongside nouns marked with reflexive possessive suffixes (8). These forms usually can be easily omitted. They are generally perceived by native speakers as pragmatically marked or even unnatural, but possible.

(8) Bystraja Even

etiken men žu-tki-ji em-ni-n
 old.man REFL house-DIR-POSS.REFL.SG come-PST-3SG
 ‘The old man_i came to his_i house.’

The *men/mer* cannot be used as an intensifier in the sense described by [König, Siemund 2000], as shown in (9). The intensifiers *menken* [SG]/*merker* [PL] in Bystraja Even are derived from these forms through the addition of a diminutive suffix, the semantics of which remain somewhat unclear. For more information on diminutives in Even, see [Pakendorf, Krivoschapkina 2014; Pakendorf 2017].

(9) Bystraja Even

- a. *men-*(ken) etiken əm-ni-n žu-tki-ji*
 REFL-DIM old.man come-PST-3SG house-DIR-POSS.REFL.SG
 ‘The old man_i himself came to his_i house.’
- b. *etiken men-*(ken) əm-ni-n žu-tki-ji*
 old.man REFL-DIM come-PST-3SG house-DIR-POSS.REFL.SG
 ‘The old man_i came to his_i house by himself.’

⁴ Henceforth, the capital ‘A’ reflects vowel harmony rules. Tungusic languages feature two sets of vowels that appear with different roots. Although rules are different across the family, their exact formulations are not important for the current study.

The distribution in (8) and (9) suggest that the *men/mer* forms must be considered as reflexive possessive pronoun forms, similar to Russian *svoj* and Lezgian *wičin*. This question is further addressed in Section 3.5.

3.3. Reflexivity in Uilta

This section is mainly based on data from [Petrova 1967] and [Ozolinja 2013]. In Uilta, reflexive relations can be expressed similarly to Bystraja Even, using both independent reflexive pronouns and reflexive possessive suffixes. They are present in Table 3a and Table 3b, correspondingly.⁵

Table 3. Possessive suffixes in Uilta

(a) Personal possessive suffixes		(b) Reflexive possessive suffixes	
POSS	morpheme	POSS	morpheme
1SG	<i>-bi/-wi/-w</i>	1PL	<i>-pu</i>
2SG	<i>-si/-čī</i>	2PL	<i>-su/-čū</i>
3SG	<i>-ni</i>	3PL	<i>-čī</i>

In Uilta, there are more morphophonological rules that apply to the morpheme boundaries than there are in Even. Except for the assimilations of the final *-n*, some case suffixes fuse with possessive ones. Table 4a illustrates that ACC, LOC1 and LOC2 undergo vowel quality changes when the reflexive possessive singular suffix is attached.

LOC1 *-du* in the combination with *-(w)i* becomes *-žī*. This process is similar to the Even dative suffix, however, in Uilta, *-d* is further palatalised. A similar process is observed in LOC2 and ACC: LOC2 *-dulA* with *-(w)i* attached becomes *-duli*, while ACC *-ba* with *-(w)i* results in *-bi*.

For plural forms, when *-(w)Ari* attaches to a suffix ending in *-i*, it produces a long *ē*. This process affects ALL, INS, PROL and ABL.

Table 4. Declension of reflexive pronouns in Uilta

(a) Case suffixes of nouns ending with <i>-n</i>				(b) Reflexive pronoun declension		
CASE	suffix	POSS.REFL.SG	POSS.REFL.PL	SG	PL	
ACC	<i>-bA/-bo</i>	<i>-bi</i>	<i>-bari</i>	ACC	<i>me-pi</i>	<i>me-peri</i>
ALL	<i>-tA(k)ki</i>	<i>-tAki</i>	<i>-tAkeři</i>	ALL	<i>met-tek-i</i>	<i>met-tek-ēři</i>
LOC1	<i>-du</i>	<i>-žī</i>	<i>-duri</i>	LOC1	<i>men-ž-i</i>	<i>men-du-ri</i>
LOC2	<i>-dulA</i>	<i>-duli</i>	<i>-dulAri</i>	LOC2	<i>men-dul-i</i>	<i>men-dul-ēři</i>
INS	<i>-žī</i>	<i>-žī</i>	<i>-žēři</i>	INS	<i>men-ž-i</i>	<i>men-ž-ēři</i>
PROL	<i>-ki/-ke</i>	<i>-ki</i>	<i>-keři</i>	PROL	<i>mek-k-i</i>	<i>mek-k-ēři</i>
COM	<i>-do/-du</i>	<i>-žī</i>	<i>-žēři</i>	COM	<i>men-ž-i</i>	<i>men-ž-ēři</i>
ABL	<i>-duki</i>	<i>-duki</i>	<i>-dukkēři</i>	ABL	<i>men-duk-i</i>	<i>men-dukk-ēři</i>

The formation of the reflexive pronoun in Uilta differs slightly from that in Even. In Uilta, the reflexive stem *men* is not specified for number; instead, number is indicated solely by the reflexive possessive suffix. The full paradigm is presented in Table 4b. This table also highlights an irregular allomorphy in the accusative case, though in a different way than in Even.

In Even, *men* takes an allomorph of POSS.REFL that corresponds to regular consonant-final stems, whereas n-final stems require a distinct set. In Uilta, however, the allomorphs *-pi* and *-peri* are entirely unpredictable.

Regarding the comitative case, Ozolinja [2013] states that it is homonymous with the instrumental due to morphophonological processes; however, this claim is not entirely evident for Uilta. According to the phonological rules outlined above, the comitative should behave similarly to LOC1 in the plural — meaning it should retain its original vowel. An alternative explanation is that the instrumental form encompasses both instrumental and comitative meanings, a typologically expected pattern [Arkhipov 2009].

⁵ The anonymous reviewer rightly questioned whether there is any justification for postulating *w* in parentheses. As for *-(w)i*, typically, *-i* appears after consonants and *-j* after vowels, with no overt *-w* present. However, there are instances in the data that demonstrate the possible existence of the *-wi* allomorph.

Such examples can even be found in Ozolinja's grammar description, as in *duku-du-wi* 'house-LOC1-POSS.REFL.SG' [Ozolinja 2013: 83—84]. Similar processes have also been noted for POSS.1SG in [Petrova 1967: 43].

The reflexive pronoun stem in Uilta is *men(e)*. Unlike in Even, it can function both adnominally and as an intensifier, as shown in (10).

(10) Uilta from [Ozolinja 2013: 198]

- a. *mene bojom-bo wā-ham-bi*
REFL bear-ACC kill-PST-1SG
'I killed a bear by myself.'
- b. *mapa mene ugda-bi dapa-ha-ni*
old.man REFL boat-POSS.REFL.SG take-PST-3SG
'The old man took his own boat.'

Such behaviour is not unexpected, since many languages, including English, employ the same entities for reflexives and intensifiers.

3.4. Interaction with accusative

Tungusic is the only language family that exhibits a special interaction between possessive agreement markers and the expression of case. Traditionally, it has been assumed that the accusative case marker cannot appear when a reflexive possessive index is used in Tungusic [Malchukov, Spencer 2008: 659]. In example (11), the accusative marker *-wa* normally attaches before the possessive marker; however, it cannot appear in the presence of a reflexive possessive index.

(11) Bystraja Even

- a. *bi žu-wa-n it-ti-wu*
I house-ACC-POSS.3SG see-PST-1SG
'I saw his house.'
- b. *bi žu-(*wa)-ji it-ti-wu*
I house-ACC-POSS.REFL.SG see-PST-1SG
'I saw my house.'

It has also been proposed that this absence of overt marking arises because nouns bearing a reflexive possessive form cannot function as subjects. Consequently, the direct object form is most salient and thus least marked. Malchukov & Spencer [ibid.] refer to this as a "reflexive" strategy of marking direct objects. In light of an anonymous reviewer's comments, we suggest an alternative explanation.

In Even, the allomorphs *-i/-ji/-bi/-mi* behave similarly to suffixes whose variants begin with *-w*. Typically, in Even, the phoneme /w/ (and no other phoneme) becomes [b] after the plural suffix, [m] after stems ending in *-n*, and elides after other consonants or shifts to [u] at the word's end. This pattern applies both to the accusative suffix *-w* and the 1SG possessive suffix *-wu* (see Table 5). Thus, it is reasonable to suggest that the underlying reflexive possessive singular suffix is *-wi*.

Table 5. Allomorphs of ACC, POSS.1SG and POSS.REFL.SG in Bystraja Even

	after V	after N	after PL	after other C
ACC	<i>-w</i>	<i>-m</i>	<i>-bu</i>	<i>-u</i>
POSS.1SG	<i>-wu</i>	<i>-mu</i>	<i>-bu</i>	<i>-u</i>
POSS.REFL.SG	<i>-ji</i>	<i>-mi</i>	<i>-bi</i>	<i>-i</i>

According to an anonymous reviewer, positing *-w* in the underlying form of the reflexive possessive singular may explain why the accusative is not expressed. One plausible elaboration of this idea for Even is as follows:

1. The initial *-w* elides after vowels and after consonants other than *-n* or the plural markers *-l/-r*. This rule explains the forms *-ji* and *-mi*.
2. The combination /ui/ collapses to [i], as seen in the dative reflexive possessive singular [di]. This accounts for the forms *-bi* and *-i*.

The same processes apply to the reflexive possessive plural paradigm, yielding *-wur* (*-w-wur*), *-mur* (*-m-wur*), *-bur* (*-b-wur*), and *-ur* (*-u-wur*).

The apparent absence of an accusative marker can thus be explained by its phonological similarity to reflexive possessive markers. At the current stage of the language, however, it is unclear how speakers actually parse these sequences. Accordingly, this paper adheres to the traditional perspective and does not gloss the accusative in such cases.

Uilta's case system is more complex. The stem for 'house' is *dukku* in Uilta. While the expected accusative marker is *-wo*, the actual accusative form is *dukkō*, caused by intervocalic *w* deletion and the subsequent merger of *u* and *o* into a long *ō* (12).

When a singular possessor of an accusative-marked noun is coreferential with the subject, the marker *-bi* is employed (12). This dedicated marker does not co-occur with any other case suffix. If a different case suffix is present, the allomorph becomes *-i*. We might view Uilta as expressing both reflexive possessive singular and accusative cumulatively in *-bi*. Another perspective is that *-b* encodes the accusative. The form is still unexpected because the allomorph of accusative beginning with *-b* appears only after consonants.

For the plural reflexive possessive, the allomorph *-wAri* (12) behaves predictably under the assumption that the accusative is null, consistent with other morphophonological rules of the language.

(12) Uilta

- a. *bi nō-ni dukk-ō-ni itə-xə-mbi*
 I (s)he -POSS.3SG house-ACC-POSS.3SG see-PST-3SG
 'I saw his house.'
- b. *bi dukku-bi itə-xə-mbi*
 I house-ACC.POSS.REFL.SG see-PST-1SG
 'I saw my house.'
- c. *bu dukku-weri itə-xə-pu*
 we house-POSS.REFL.PL see-PST-1PL
 'We saw our house.'

Uilta's case marking cannot be fully accounted for by regular morphophonological rules governing the interaction of accusative and reflexive possessive. It seems the underlying representations should be *-wA* (accusative), *-wi* (reflexive possessive singular), and *-wAri* (reflexive possessive plural). Petrova [1967: 43] notes a prohibition on two consecutive similar syllables in Uilta, though we are unsure if *-wA* and *-wi* are sufficiently similar to evoke this constraint. We do know that the initial *-w* can be omitted from reflexive possessive forms. Under that scenario, the rules would parallel Even, yielding *-wi* and *-wAri* after vowels. It remains unclear which rule applies first (*dukk-wo* > *dukkō* or *-wA-wAri* > *-wAri*). In our view, *-weri* probably lacks an accusative suffix after all. Additionally, the choice of allomorph *-bi* is still somewhat unexpected. We believe that historically, the system was more transparent, as in Even, but is no longer easily parsed into accusative formants.

Nouns with reflexive possessive indexes serving as direct objects can be viewed as unmarked for case. Although reflexively marked nouns cannot appear as subjects, they do occur as possessors. In examples (13) and (14), the same unmarked forms are used, as in (11) and (12). Because genitive noun forms are morphologically unmarked (see Section 3.3), accusative forms of reflexively possessed nouns may also be interpreted as unmarked.

(13) Bystraja Even

- pal'ina aw-ri-n aq-mi mašina-wa-n*
 Polina wash-PST-3SG father-POSS.REFL.SG car-ACC-POSS.3SG
 'Polina washed the father's car.'

(14) Uilta

- ugda-duki mapa dukku-bi gujde-we-ni e-mi ite čup ŋenu-xe-ni*
 boat-ABL old.man house-POSS.REFL.SG roof-ACC-POSS.3SG NEG.AUX-CVB see at.once go.away-PST-3SG
 'The old man that haven't seen the roof of his house from the boat went away.'

Mongolic languages likewise show unmarked accusative on nouns bearing reflexive possessive indexes (15). In Mongolic, however, these indexes, as well as personal possessive markers, cannot appear alongside overt possessors. We are unaware of any account describing such a system as having a "silent accusative" on purely morphophonological grounds.

(15) Daghur from [Tsumagari 2003: 143]

- saing xuu ner-ee xailjibei*
 good person name-POSS.REFL respects
 'A good person respects his own name.'

In conclusion, we observe that no other case shows a special interaction with reflexive possessive indexes in any language. While Malchukov & Spencer [2008] put forward a plausible explanation that accounts for some observed phenomena, further research is needed to fully clarify these patterns.

3.5. Reflexive possessive indexes are not a separate strategy

Although reflexive possessives could be analysed as a distinct reflexivity strategy, it is more precise to view them as an instance of agreement with a reflexive pronoun. We illustrate this with examples from Even with additional examples from Uilta supporting the main ideas.

In Even and Uilta, possessive relations can be expressed not only through possessive suffixes but also through the possessive form of a (pro)noun. Both first- and second-person personal pronouns, as well as the reflexive pronoun, have distinct possessive forms, which we refer to as genitive forms, which are bare (oblique) stems. These forms can appear in possessive constructions alongside corresponding possessive suffixes — such as (16) and (17) — or within postpositional phrases, which should be analysed as possessive phrases.

(16) Bystraja Even

- a. *etiken min žu-tki-wu əm-ni-n*
 old.man I.OBL house-DIR-POSS.1SG come-PST-3SG
 ‘The old man came to my house.’
- b. *etiken in žu-tki-š əm-ni-n*
 old.man you(SG).OBL house-DIR-POSS.2SG come-PST-3SG
 ‘The old man came to your house.’

(17) Uilta

- mapa itə-xə-ni mini dukk-ō-we*
 old.man see-PST-3SG I.OBL house-ACC-POSS.1SG
 ‘The old man saw my house.’

The genitive stem is not only used for possessive forms but also to derive other case forms of pronouns; that is why it is glossed as OBL. Unlike first- and second-person pronouns, third-person pronouns and nouns do not have dedicated genitive forms. Morphologically, third-person pronouns behave similarly to nouns: their forms are non-suppletive, and they combine with third-person possessive indexes. In contrast, other pronouns are incompatible with possessive indexes.

Nouns in the possessor position remain morphologically unmarked, much like their appearance in the subject position. While possessive suffixes are obligatory, genitive forms of (pro)nouns can be omitted, as shown in examples (18) for first- and third-person pronoun possessors, as well as for a full NP. Notably, first- and third-person pronoun possessors behave syntactically the same way.

(18) Bystraja Even

- a. *erek (min) žu-wu*
 DEM.PROX I.OBL house-POSS.1SG
 ‘This is my house.’
- b. *erek min žu-*(wu)*
 DEM.PROX I.OBL house-POSS.1SG
 ‘This is my house.’
- c. *erek (noŋan) žu-n*
 DEM.PROX (s)he house-POSS.3SG
 ‘This is my house.’
- d. *erek noŋan žu-*(n)*
 DEM.PROX (s)he house-POSS.3SG
 ‘This is my house.’
- e. *erek eleke žu-*(n)*
 DEM.PROX Alex house-POSS.3SG
 ‘This is Alex’s house.’

These bare genitive forms are typically present when the possessor is in focus. Similar restrictions apply to pronominal subjects, although under the influence of Russian, pronominal subjects and possessors tend to be overtly expressed, particularly during elicitation.

The reflexive possessive form of a noun was traditionally believed to lack a phonologically overt possessor and just express co-reference between the null possessor and the subject of the clause as in (19) and (20). Cinčius [1947: 132] observes that there is a “short possessive pronoun” that looks like a bare stem of a reflexive pronoun and means ‘someone’s own’.

We interpret this form as an overtly realized possessor because it occupies the possessor position and is morphologically identical to the possessive forms of personal pronouns (i.e., the bare stem). Furthermore, it is incompatible with other possessive pronouns, as shown in (21).

(19) Bystraja Even

etiken (men) žu-tki-ji em-ni-n
old.man REFL house-DIR-POSS.REFL.SG come-PST-3SG
'The old man_i came to his_i house.'

(20) Uilta

xamačē=dda nāri (mənə) duku-bi ajaw-re-ni
which=ADD man REFL house-POSS.REFL.SG like-NFUT-3SG
'Any man_i likes his_i house.'

(21) Bystraja Even

*etiken (*noŋan) men (*noŋan) žu-tki-ji em-ni-n*
old.man (s)he REFL (s)he house-DIR-POSS.REFL.SG come-PST-3SG
'The old man_i came to his_i house.'

Examples (19)–(20), and (21) suggest that the reflexive possessive morpheme results from agreement with an anaphoric possessor. Similarly, the personal possessive morpheme in (18) arises from agreement with a personal possessor.

Since we argue that reflexive possessive indexes originate from agreement with a reflexive pronoun, we would expect them to be compatible with proper reflexive pronouns, as these obligatorily incorporate reflexive possessive indexes. This prediction is borne out: such combinations are indeed attested, as demonstrated in (22) and (30). Similar examples can also be found in corpora.

(22) Bystraja Even

ičimka-w ga-di-n men men-taki-ji.
glasses-ACC take-PST-3SG REFL REFL-DIR-POSS.REFL.SG
'He pulled glasses towards himself.'

This analysis is supported by previous research. Buzanov [2021] demonstrated that reflexive possessive indexes in Bystraja Even—whether alone or in combination with the intensifier *men*—are governed by the same binding constraints as reflexive argument forms: they are subject-oriented and typically cannot be bound across clause boundaries. This generalization builds on the idea of binding domains hierarchically structured according to syntactic position: reflexives are most easily licensed in the direct object position and become progressively less accessible as they appear in adjuncts, non-finite clauses, and especially finite embedded clauses.

In Bystraja Even, binding is possible up to a certain point on this scale — e.g., across purpose converb clauses under some conditions — but generally blocked in participial and finite complement clauses. Buzanov [2021] adopts the hierarchy proposed in [Testelefs, Toldova 1998], where reflexives vary in their availability depending on structural complexity and the position they occupy.

Thus, it seems reasonable to narrow the set of reflexivization strategies to reflexive pronouns alone, treating reflexive possessive indexes as the result of agreement with these pronouns in the possessor position. The co-reference effect, in turn, follows naturally from binding.

3.6. Summary on reflexivity in Bystraja Even and Uilta

The subsections discuss reflexivity strategies in Bystraja Even and Uilta. Both languages employ reflexive possessive suffixes and reflexive pronouns to express reflexive meaning. In Bystraja Even, personal possessive suffixes vary by person, number, and clusivity, while reflexive possessive suffixes distinguish only between singular and plural. The reflexive pronoun in Bystraja Even follows the same morphological template as nouns, with *men* serving as the singular base and *mer* as the plural one.

Uilta's reflexivity system shares similarities with Bystraja Even but has some distinct features. Uilta demonstrates complex morphophonological rules, especially in the interaction between *n*-final stems and possessive suffixes. Additionally, unlike in Bystraja Even, the reflexive pronoun base in Uilta is unspecified for number, with number marked only by the reflexive possessive suffix.

Another notable difference is the use of reflexive stems as intensifiers. In Bystraja Even, the reflexive stem cannot be used adverbially as an intensifier on its own, though a derived form with a diminutive suffix fulfils this function. In contrast, the Uilta reflexive stem *mene* can be used both adnominally and adverbially.

The analysis of reflexive possessives in both languages suggests that they are best understood as instances of agreement with the reflexive pronoun, rather than as an independent reflexivity strategy. In both Even and Uilta, possessive relations can be expressed through either possessive suffixes or the genitive forms of (pro)nouns. The reflexive possessive form, traditionally thought to lack an overt possessor, actually permits a “short possessive pronoun” in the form of the bare stem of the reflexive pronoun. This form functions as an overt possessor, occupying the possessor position, and can occur even with declinable reflexive pronouns.

This perspective suggests that the reflexive possessive morpheme arises through agreement with an anaphoric possessor, much like personal possessive morphemes result from agreement with personal possessors. Consequently, the reflexive interpretation can be attributed to binding.

4. Comparison of Bystraja Even and Uilta

The following comparison of Bystraja Even and Uilta is grounded in the typological study conducted by [Buzanov 2022], supplemented with additional evidence from these two languages. Buzanov [ibid.] identifies several cross-linguistic properties of reflexive possessive indexes, including person and number restrictions, involvement in reflexive pronoun formation, marking same-subjectness in subordinate clauses, special interaction with the accusative, and the verbal usage of these markers. Each of these features appears relevant in at least two language families. In this section, we examine how Tungusic languages fit into this broader typological context and highlight the differences between Even and Uilta.

4.1. Person restriction

Reflexive possessives often show a person-based asymmetry, typically being restricted to third-person antecedents. When a pronoun is coreferential with a first- or second-person subject, personal pronouns might be used instead. Swedish exemplifies this strategy with the possessive pronoun *sín* (‘one’s own’), which applies exclusively to third-person antecedents, while *mín* (‘my’) and *dín* (‘your’) are used for first and second persons, respectively.

This asymmetry is not unique to Swedish but is also observed in many languages with reflexive possessive indexes. For instance, in Karajá, as described by Ribeiro [2012], the special marker *dá-* indicates the coreference between a third-person possessor and the subject (23). However, when the subject is first person, merely changing the verbal agreement is insufficient to maintain grammaticality. The nominal prefix must also be changed to one from the personal set.

(23) Karajá (Macro-Je)

hawiki dá-rikɔrɛ=kɔ *Ø-r-Ø-ãkãrafi=r-e*
 woman 3REFL-offspring=AL 3-CTFG-INTR-ask=CTFG-IMPERF
 ‘The woman_i asked her_i son.’

These person-based distinctions in reflexive systems are part of a broader pattern of asymmetries in reflexives, which Bruening [2021], among others, explores in depth.

Tungusic languages allow using reflexive possessives with antecedents of different persons, as shown in examples (24) and (25). In (24), the antecedent is first person, triggering first-person agreement on the verb, while the possessive suffix is reflexive, as in case of third-person antecedents. Using personal possessives in such contexts is usually possible but dispreferred by speakers. A similar pattern is observed in Uilta (25), where the subject is first person, and both the reflexive and personal possessive suffixes can be used.

(24) Bystraja Even

bi əm-ni-wu *žu-tki-ji* / *ʔžu-tki-wu*
 I come-PST-1SG house-DIR-POSS.REFL.SG / house-DIR-POSS.1SG
 ‘I came to my house.’

(25) Uilta

bi itə-xə-mbi dukku-bi / *dukk-ō-we*
 I see-PST-1SG house-POSS.REFL.SG / house-ACC-POSS.1SG
 ‘I saw my house.’

Tungusic languages appear unique in allowing reflexive possessive agreement with non-third-person antecedents. We consider this part of a broader pattern of restrictions on reflexive pronoun antecedents. However, the fact that most languages with reflexive possessive indexes — such as Karajá in (23) above — restrict this to third-person antecedents remains an important observation, which we leave for future research.

4.2. Number restriction

Only two families out of six that demonstrate reflexive possessive agreement — Bororo, Macro-Je, Hokan, Tungusic, Eskimo-Aleut, and Timor-Alor-Pantar — have distinct reflexive possessive morphemes for different number values: Tungusic and Eskimo-Aleut. In Bystraja Even, in contexts with a singular subject, as in (26), the suffix *-ji* is used to indicate the coreference. However, in contexts with a plural subject, as in (26), another suffix, *-wur*, is used.

(26) Bystraja Even

- a. *etiken əm-ni-n žu-tki-ji*
 old.man[SG] come-PST-3SG house-DIR-POSS.REFL.SG
 ‘The old man_i came to his_i house.’
- b. *etike-r əm-ni-tən žu-tki-wur*
 old.man-PL come-PST-3PL house-DIR-POSS.REFL.PL
 ‘The old men_i came to their_i house.’

A similar situation is observed in Uilta. The examples in (27) show how agreement on a noun varies according to the number of the antecedent.

(27) Uilta

- a. *bi dukku-bi itə-xə-mbi*
 I house-POSS.REFL.SG see-PST-1SG
 ‘I saw my house.’
- b. *bu dukku-weri itə-xə-pu*
 we house-POSS.REFL.PL see-PST-1PL
 ‘We saw our house.’

Languages from the other families have a non-alternating morpheme for all numbers. At the same time, personal possessive markers in these languages consistently distinguish all possible number features. On the one hand, this is not surprising, as languages often do not mark number on reflexive pronouns (e.g., German *sich*, Russian *seb’a*). On the other hand, it remains to be established whether the presence of this feature in two families is a rarum, considering that only six families have been reported to exhibit reflexive possessive agreement.

4.3. Reflexive pronoun formation

Reflexive possessive indexes often play a role in the formation of reflexive pronouns. In Bystraja Even (28) and Uilta (29), reflexive pronouns are formed by adding a case suffix and a reflexive possessive index to a reflexive stem. However, as mentioned in Section 3, the reflexive stem in Uilta is number-neutral and the number of the reflexive pronoun is expressed by the reflexive possessive suffix.

(28) Bystraja Even

- me-r-teki-wur*
 REFL-PL-DIR-POSS.REFL.PL
 ‘towards oneself’

(29) Uilta

- mā-tekkē-ri*
 REFL-ALL-POSS.REFL.PL
 ‘towards oneself’

In Even and Uilta, the structure of reflexive pronouns resembles that of nominals, as in many other languages. Since the genitive form of the reflexive pronoun can be spelled out alongside the reflexive pronoun itself, as in example (22) from Even and example (30) from Uilta, the presence of the reflexive possessive index on the reflexive pronoun is predictable. The reflexive pronoun agrees with its possessor *men/men(e)*, which is also a reflexive pronoun.

(30) Uilta [Petrova 1967: 66]

- men me-ttekē-ri nimeri-pis’s’e*
 REFL REFL-ALL-POSS.REFL.PL visit-COND.PL

ɲimeri-xe-nnē-tei depi-we tojo-wki-l bi-tč̣i-č̣i
 visit-PTC.PST-NMZ-ALL food-ACC treat-PTC.HAB-PL be-PTC.PST-3PL
 ‘When they came to visit each other (lit. themselves), they treated the guest to food.’

In contrast, other languages with reflexive possessive agreement follow different patterns. For example, in Kalaallisut, reflexive pronouns are typically formed with personal possessive affixes, though reflexive possessive markers are occasionally used [Fortescue 1984: 258].

4.4. Marking same-subjectness in subordinate clauses

One notable function of reflexive possessives in Tungusic languages is their role in marking same-subjectness between the dependent and matrix clauses. This function closely resembles switch reference (SR) systems, which utilize special markers to indicate whether the subjects of two related clauses are coreferential [Jacobsen 1967; Arregi, Hanink 2019]. A similar to this system phenomenon is found in Tungusic languages. Bystraja Even (31) and Uilta (32) examples show how such systems work.

(31) Bystraja Even

- a. *etiken it-ti-n žu-ji*
 old.man see-PST-3SG house-POSS.REFL.SG
 ‘The old man_i saw his_i house.’
- b. *daša it-tə-n emu-č̣e-ji/*n ollə-w*
 Dasha see-PST-3SG bring-PTC.PST-POSS.REFL.SG/POSS.3SG fish-ACC
 ‘Dasha_i saw the fish that she_i brought.’

(32) Uilta

- a. *ūmbu-č̣i-γətč̣-ēri isu-i-č̣i dukku-bi*
 to.fish-IMPF-CONVANT-POSS.REFL.PL see-PST-3PL house-POSS.REFL.SG
 ‘After their_i fishing, they_i returned.’
- b. *ziŋ ana na-si-wi birom-bə ūmbu-č̣i-ndə-buʒʒ-i ŋənə-buʒʒ-i*
 very want-PRS-1SG smelt-ACC to.fish-IMPF-ANDSUP-POSS.REFL.SG go-ANDSUP-POSS.REFL.SG
 ‘I really want to go smelt fishing.’

Example (31a) illustrates that the suffix *-ji* is a reflexive possessive suffix, while (31b) shows its appearance on the verbal form in contexts where the subjects of the dependent and matrix clauses are identical. In this case, the reflexive marker is obligatory in participial clauses to signal coreference between subjects. Similarly, Uilta employs *-eri* and *-i* to mark same-subjectness on the purposive converb, as demonstrated in examples (32).

In the case of Tungusic, same-subjectness marking is better understood as a form of binding and agreement with a reflexive possessor. Reflexive possessive indexes are employed to mark same-subjectness because the discussed non-finite forms in Even and Uilta are obligatorily possessed; the subject occupies the possessor position. The subject of non-finite forms is usually silent; however, it can be realized overtly as shown in (33).

(33) Even from [Malchukov 2008: 119]

- me-r žeb-de-wur gad-Ø-Ø*
 REFL-PL eat-PURP-POSS.REFL.PL take-NFUT-3PL
 ‘They took something to eat.’

In Tungusic languages, the possessor position within a subordinate clause is the only position that can be bound by the subject of the matrix clause. Other argument positions in the subordinate clause, such as the direct object, can only be bound by the closest subject [Buzanov 2021].

The use of reflexive possessive indexes in contexts of same-subjectness with non-finite verbs is common across languages with reflexive possessive indexes. However, this phenomenon should not be mistaken for a distinct function of marking switch reference. In these languages, non-finite forms are obligatorily possessed, meaning that their subject occupies the possessor position. Since the domain of the reflexive pronoun is often limited to the finite clause, the possessor is reflexive, leading to reflexive agreement on the verb.

4.5. Reflexive possessive indexes on verbs

Alongside reflexive pronouns, some languages employ verbal reflexive marking. Certain authors propose that at least some reflexive pronouns function similarly to verbal reflexive marking, reflexivizing non-reflexive predicates (e.g., [Reinhart, Reuland 1993; Reuland 2007]).

In a few languages, the reflexive possessive index can indicate co-reference not only between the subject and possessor but also between the subject and another verbal argument. While not widespread, this pattern exists in some languages.

(34) Abui (Timor-Alor-Pantar) from [Kratochvíl 2007]

- a. *di kang da-táng la ha-tol sei mi-a*
 3A be.good 3I.INAL-hand be.MD 3II.PAT-reach come.down.CNT take-DUR
 ‘He (truly) sticks out his hand down to take it.’
- b. *Fani el da-wel-i*
 name before 3I.PAT-pour-PFV
 ‘Fani washed himself.’

In (34), the marker *-da* expresses coreference between the possessor of *táng* ‘hand’ and the subject *di* ‘he’. The same marker in (34) indicates coreference between the subject and object.

Neither Bystraja Even nor Uilta exhibits a pattern similar to Abui. However, Even shows a different interaction between reflexive possessive indexes and verbal conjugation. Even has an optative marker *-dA*, which evolved from the purposive converb *-dA*, still present in modern Even; see examples in (35).

(35) Bystraja Even

- a. *meme gasčĭ-ri-n min-du uni-de-ku ollā-w*
 mum ask-PST-3SG I.OBL-DAT buy-PURP-1SG fish-ACC
 ‘Mum asked me to buy some fish.’
- b. *žeb-da-ku=ŋan*
 eat-OPT-1SG=EMPH
 ‘Would that I eat!’

The purposive converb and optative differ in their agreement markers, as shown in Table 6. Notably, the second-person optative agreement forms coincide with reflexive possessive affixes, as observed by [Malchukov 2008: 119] in (36).

Table 6. Optative and purposive conjugation in Bystraja Even

(a) Purposive conjugation		(b) Optative conjugation	
subject	morpheme	subject	morpheme
1SG	<i>-ku</i>	1SG	<i>-ku</i>
2SG	<i>-š(i)</i>	2SG	<i>-j(i)</i>
3SG	<i>-n(i)</i>	3SG	<i>-n(i)</i>
1PL	<i>-kun</i>	1PL	<i>-kun</i>
2PL	<i>-šin</i>	2PL	<i>-wur</i>
3PL	<i>-(ka)tan</i>	3PL	<i>-(ka)tan</i>

(36) Bystraja Even from [ibid.]

- hi žeb-de-j*
 you eat-OPT-POSS.REFL.SG
 ‘You eat (later)!’

This phenomenon is absent in Uilta and languages of other families. We argue that the Abui and Bystraja Even cases differ in nature. In Abui, it’s a grammaticalized, morphologically bound reflexive pronoun marking both possessors and direct objects. While the syntactic structure of these clauses is beyond this study’s scope, it’s clear that in Even, reflexive morphology does not reflexivize the predicate, as the situation is not reflexive.

4.6. Associative plural

There are languages that use reflexive pronouns for partial co-reference, including contexts where the antecedent and the reflexive pronoun differ in number. Such examples are briefly mentioned in [Haspelmath 2008], citing [Newman 2000] for Hausa (37). In this instance, the reflexive *kààn-tà* refers both to the antecedent *Laadi*

and to additional individuals contextually linked to her. The focal referent (*Laadi*) thus defines the broader set of co-referents, who need not be strictly connected to her. It is determined by context who else is included in the referent of *káàn-tà*.

(37) Hausa from [Newman 2000: 524]

Laadi_i taa soòki káàn-tà_{i+x}
 Ladi 3SG criticize self-3PL
 ‘(lit.) Ladi_i criticized themselves_{i+x}.’

(38) Bystraja Even

etiken me-r-du-r olla-w ga-di-n
 old.man REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL fish-ACC take-PST-3SG
 ‘The old man took fish for himself and his family.’

In Bystraja Even, examples similar to those found in Hausa also occur. They are first noted in [Cincius 1947: 132]. In example (38), the antecedent is singular, while the reflexive marker is explicitly plural, yielding a “family” interpretation. This “family” interpretation is, in fact, the default for all speakers of Bystraja Even — unlike in other languages, where it rarely arises as a default. Although [Lan 2016] describes several overlapping-reference scenarios, none involve a “family” reading.

The semantics of pronominal plurality are explored in [Daniel 2000], where plurality typically indicates a set composed of the focal referent plus contextually determined associates (not limited to the family). This type of plurality is called “representative,” meaning the set of referents is determined by context. [Buzanov 2021] further shows that, for some speakers, a “family” (or more generally “associative”) interpretation is often the only available reading. Antecedents in these constructions can also be subject to certain restrictions. For example, many speakers disallow animals as antecedents, explaining that animals cannot have a “proper family” (39).

(39) Bystraja Even from [ibid.: 50]

- a. *%kerke əpkə-ni-n čiməkča-m me-r-d-ur*
 cat catch-PST-3SG mouse-ACC REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL
 ‘A cat caught a mouse for itself and its kittens.’
- b. *%ətəryen mo-w me-r-d-ur ga-di-n*
 ant wood-ACC REFL-PL-DAT-POSS.REFL.PL bring-PST-3SG
 ‘An ant brought a stick for itself and for the anthill.’

Using reflexive possessive indexes as markers of switch-reference also allows an associative reading. In (40), for instance, the subject of the embedded clause includes not only the father (the subject of the matrix clause) but also his close associates (e.g., his children).

(40) Bystraja Even

aqe-n əpkə-ni-n žeb-də-wur
 father-POSS.3SG catch-PST-3SG eat-PURP-POSS.REFL.PL
 ‘His father_i fished, so they (he_i and the children) could eat.’

For Uilta, associative readings are not discussed in previous descriptions. However, our data include one example where a reflexive possessive index mismatches the antecedent in number, prompting a plural interpretation of the possessor (41). Uilta differs from Bystraja Even in that this plural tends to be “representative” rather than “associative”. We are not aware if subjects of first person behave differently from those of third. Overall, detailed examination of this construction remains pending.

(41) Uilta

mənə dukk-o-ri bi itə-xə-mbi
 REFL house-ACC-POSS.REFL.PL I see-PST-1SG
 ‘I saw our house.’

Both languages in question demonstrate the possibility of number mismatch between the antecedent and the reflexive pronoun, but the outcomes differ. In Bystraja Even, most speakers accept constructions like (38) and (40). There is no evidence for parallel constructions in Uilta. Nevertheless, we have observed an occasional example with a reflexive possessive index in Uilta that allows a representative interpretation (41) — an option impossible in Bystraja Even.

5. Discussion with reference to other Tungusic

Bystraja Even and Uilta are closely related and share many traits. Yet, certain differences emerge in their reflexive possessive systems. Table 7 below summarizes the similarities and divergences between the two languages. A plus sign (+) indicates that a feature is strongly present in a language. A plus-minus sign ($\pm$) denotes that a feature occurs to a lesser extent than in the other language or, in the case of reflexive possessive indexes on verbs, that a more prototypical usage is found elsewhere (e.g., in Abui, discussed in Section 4.6). A minus sign (–) indicates that the feature is absent in a language.

The features are explained briefly as follows:

1. Are reflexive possessive indexes (RPI) possible for antecedents of person other than third?
2. Are there different sets of RPI for different numbers of the antecedent?
3. Do RPI participate in reflexive pronoun formation?
4. Are RPI used to mark same-subjectness on non-finite subordinate forms?
5. Is there any special interaction between RPI and the accusative case?
6. Are RPI used anywhere in the verbal domain?
7. Do RPI allow for a number mismatch between the antecedent and the possessor? If yes, are there any restrictions on such usage?

Table 7. Overall comparison of Bystraja Even and Uilta

feature	Bystraja Even	Uilta
1 st and 2 nd person	+	+
different numbers	+	+
reflexive pronoun formation	+	+
same-subjectness	+	+
interaction with accusative	$\pm$	+
RPI on verbs	$\pm$	–
number mismatch with antecedent	$\pm$	+

Despite their close relationship, these two languages have diverged in ways that could easily go unnoticed in typological studies. Next, we turn to other Tungusic languages. Table 8 lists the main sources, and Table 9 presents an overview of reflexive possessives across the family.

Table 8. Tungusic languages and grammar descriptions

language	group	source
Evenki	Northern	[Nedjalkov 1997]
Negidal	Northern	[Cincius 1982]
Ulchi	Northern	[Sunik 1985]
Nanai	Central	[Avrorin 1959]
Udihe	Central	[Nikolaeva, Tolskaya 2011]
Oroch	Central	[Boldyrev, Avrorin 2001]

Table 9. Tungusic reflexive possessives

language	person	number	r. pron	ss	acc	verb	mismatch
Bystraja Even	all	SG&PL	+	+	$\pm$	$\pm$	$\pm$
Uilta	all	SG&PL	+	+	+	–	+
Evenki	all	SG&PL	$\pm$	+	$\pm$	$\pm$	?
Negidal	all	SG&PL	+	+	$\pm$	$\pm$	?
Ulchi	all	SG&PL	+	+	$\pm$	–	?
Nanai	all	SG&PL	+	+	$\pm$	–	?
Udihe	all	SG&PL	+	+	$\pm$	–	?
Oroch	all	SG&PL	+	+	$\pm$	–	?

Overall, the Tungusic languages appear highly cohesive, possibly due to their relatively recent divergence — roughly 1,900 years ago [Liu et al. 2021]. Nevertheless, some cells in the tables differ.

In Evenki, it is possible to form reflexive pronouns using personal possessive suffixes for emphasis [Klyachko 2021], even though the language also has reflexive possessive indexes (42). This might be true for other Tungusic languages as well, though the data are lacking.

(42) Evenki from [ibid.: 205]

bi hanju:hta-Ø-m kola-wa mo:n-ma-n
 1SG ask-NFUT-1SG Kolya-ACC REFL-ACC-POSS.3SG
 ‘I asked Kolya_i about him_i.’

The same strategy — using personal possessives to form a reflexive pronoun — appears in Kalaallisut, where it is the main method. Reflexive possessives, while present, see relatively little use [Fortescue 1984: 258].

We do not know if it is possible to construct analyses for each of Tungusic languages in a way that the apparent absence of the accusative suffix is derived by morphophonological rules. This is why we mark all of them with ±, meaning some further investigation is needed.

Northern Tungusic languages consistently employ reflexive possessive agreement for second-person optatives. Evenki grammars note this [Nedjalkov 1997: 203], and while Negidal descriptions do not, it can be easily verified in corpus data (43).⁶

(43) Negidal from Endangered Languages Archive

soŋkije-βa hujuf-da-j
 mash.tea-ACC boil-FUT.IMP-POSS.REFL.SG
 ‘Boil some mash tea!’

No information is available regarding number mismatch and associative plural in these descriptions, so comparisons on that feature cannot be made.

In sum, Tungusic languages exhibit a high degree of internal coherence, with only minor differences. Tungusic languages are, in a way, exceptional from the typological point of view. This is the only family that uses reflexive possessive agreement for persons other than third. Only Tungusic and Eskimo-Aleut distinguish reflexive possessive markers for different numbers of the antecedent. Macro-Je, Bororo, Hocan, and Timor-Alor-Pantar, by contrast, employ an invariant reflexive marker. Additionally, Tungusic, Bororo, and Eskimo-Aleut make use of reflexive possessive agreement on non-finite verb forms, while others do not. Abui (Timor-Alor-Pantar) places the reflexive possessive index on the verb to mark a P-argument. Washo (Hocan) has a separate switch-reference system, obviating the need for reflexive possessives, and Karajá (Macro-Je) lacks any comparable system.

6. Conclusions

This study has investigated the phenomenon of reflexive possessives in Tungusic languages, with particular attention to Bystraja Even and Uilta. Both languages employ reflexive possessive indexes to mark coreference between a possessor and a clause’s subject, in addition to other non-possessive functions. Despite their shared traits, Bystraja Even and Uilta exhibit several differences in their use of reflexive possessives and in the formation of reflexive possessive constructions.

In Bystraja Even, reflexive possessive suffixes vary according to person, number, and clusivity, making a clear distinction between singular and plural forms. The reflexive pronoun follows a consistent morphological pattern, adjusted for singular and plural reference. Uilta, meanwhile, retains many similar features but shows more intricate morphophonological processes. Moreover, Uilta’s reflexive pronouns are not specified for number; instead, number distinctions arise solely through the reflexive possessive suffix.

In both languages, reflexive possessive indexes appear as a result of agreement with reflexive pronouns rather than as separate reflexivity strategies. This understanding aligns reflexive possessive indexes with general binding principles, simplifying the analysis of reflexive constructions in these languages.

In this study, we compared Bystraja Even and Uilta in accordance with a broader typological study. We include those features that showed variation across the languages that have reflexive possessive agreement.

Comparisons of Bystraja Even, Uilta, and other Tungusic languages uncover both shared features and distinct characteristics, offering important insights into the typology of reflexive possessives. Head-marked reflexive possessives appear to be rare, indicating a need for further investigation to determine their typological significance. This study provides a modest step toward exploring this underexamined area.

⁶ The Negidal corpus was collected by Brigitte Pakendorf and Natalia Aralova and is available online on https://www.elararchive.org/?name=so_0b2bee2f-a79e-40b7-b8bf-56f856738c76

List of abbreviations

1, 2, 3 — 1 st , 2 nd , 3 rd person	DUR — durative	NMZ — nominalization
A — agent	EMPH — emphatic	OBL — oblique
ABL — ablative	EXC — exclusive	OPT — optative
ACC — accusative	FUT — future	P, PL — plural
AL — alienable	GEN — genitive	PAT — patient
ALL — allative	HAB — habitual	PFV — perfective
ANDSUP — supin	I, II — 1 st , 2 nd gender	POSS — possessive
AUX — auxiliary	IMP — imperative	PRED — predicative
CAUS — causative	IMPERF, IMPF — imperfective	PROG — progressive
CNT — continuative verb stems	INAL — inalienable	PROL — prolative
COM — comitative	INC — inclusive	PROX — proximal
COND — conditional converb	INS — instrumental	PRS — presence
CONVANT — anterior converb	INT — intensifier	PST — past
CTFG — centrifugal direction	INTR — intransitive	PTC — participle
CVB — converb	LOC — locative	PURP — purposive
DAT — dative	M — masculine	REFL — reflexive
DEM — demonstrative	MD — medial deictic	RES — resultative
DIR — directive	NEG — negative	S, SG — singular
DLOC — directive-locative	NFUT — non-future	SS — same subject
		TOD.P — today's past tense

References

- Arkhipov 2009 — *A. Arkhipov*. Comitative as a cross-linguistically valid category. In: *New challenges in typology: Transcending the borders and refining the distinctions*. 2009.
- Arregi, Hanink 2019 — *K. Arregi, E. Hanink*. Switch reference as index agreement. Ms. The University of Chicago, 2019.
- Avrorin 1959 — *V. A. Avrorin*. Grammatika nanajskogo jazyka. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (Leningradskoe otdelenie), 1959. {*V. A. Avrorin*. Grammar of Nanai. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (Leningradskoe otdelenie), 1959.}
- Boldyrev, Avrorin 2001 — *B. V. Boldyrev, V. A. Avrorin*. Grammatika orochskogo jazyka. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2001. {*B. V. Boldyrev, V. A. Avrorin*. Grammar of Oroch. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2001.}
- Bruening 2021 — *B. Bruening*. Generalizing the presuppositional approach to the binding conditions. In: *Syntax*. 2021, 24. P. 417–461.
- Buzanov 2021 — *A. O. Buzanov*. Ierarkhija pozicij refleksiva i asociativnaja mnozhestvennost' v bystrinskom dialekte evenskogo jazyka. In: *Malye jazyki v bol'shoj lingvistike*. 2021, 3. S. 40–52. {*A. O. Buzanov*. Hierarchy of positions of reflexive and associative plural in the Bystraja dialect of Bystraja Even. In: *Malye jazyki v bol'shoj lingvistike*. 2021, 3. P. 40–52.}
- Buzanov 2022 — *A. O. Buzanov*. Theory and Typology of Reflexive Possessive Agreement. BA Thesis, HSE University, 2022. https://bit.ly/buzanov_ba_thesis
- Chomsky 1981 — *N. Chomsky*. Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris, 1981.
- Cincius 1947 — *V. I. Cincius*. Oчерк grammatiki Bystraja evenskogo (lamutskogo) jazyka. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1947. {*V. I. Cincius*. Grammar sketch of Bystraja Even (Lamut). Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1947.}
- Cincius 1982 — *V. I. Cincius*. Negidal'skij jazyk: issledovanija i materialy. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1982. {*V. I. Cincius*. Negidal: Studies and Materials. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1982.}
- Comrie 1983 — *B. Comrie*. Switch-reference in Huichol: A typological study. In: *Switch-reference and universal grammar*. In: *Switch Reference and Universal Grammar: Proceedings of a symposium on switch reference and universal grammar*, Winnipeg, May 1981 / Ed. by J. Haiman, P. Munro. John Benjamins Publishing Company, 1983. P. 17–38.
- Daniel 2000 — *M. Daniel*. Tipologija asociativnoj mnozhestvennosti. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2000. {*M. Daniel*. Typology of associative plural. PhD thesis. Moscow, 2000.}
- Despić 2015 — *M. Despić*. Phases, reflexives, and definiteness. In: *Syntax*. 2015, 18 (3). P. 201–234.

- Fortescue 1984 — *M. D. Fortescue*. West Greenlandic. London: Croom Helm, 1984.
- Haspelmath 2008 — *M. Haspelmath*. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking. In: *Linguistic Discovery*. 2008, 6 (1). P. 40—63.
- Haspelmath 2023 — *M. Haspelmath*. Comparing reflexive constructions in the world's languages. In: *Reflexive Constructions in the World's Languages* / Ed. by K. Janic, N. Puddu, M. Haspelmath. Berlin: Language Science Press, 2023. P. 19—62.
- Jacobsen 1967 — *S. E. Jacobsen*. Switch reference in Hokan-Coahuiltecan. In: *Studies in Southwestern Ethnolinguistics* / Ed. by H. Dell, W. Bittle. Mouton: The Hague, 1967.
- Kemmer 1993 — *S. Kemmer*. The Middle Voice. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1993.
- Klyachko 2021 — *E. L. Klyachko*. Funktsii refleksivnogo mestoimeniya v evenkiyskom yazyke. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021, 17 (1). S. 187—214. {*E. L. Klyachko*. Functions of reflexive pronoun in Bystraja Evenki. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021, 17 (1). P. 187—214.}
- König, Siemund 2000 — *E. König, P. Siemund*. Intensifiers and reflexives: A typological perspective. In: *Reflexives. Forms and Functions* / Ed. by Z. Frajzyngier, T. Curl. Amsterdam: Benjamins, 2000. P. 41—74.
- Kratochvíl 2007 — *F. Kratochvíl*. A grammar of Abui: A Papuan language of Alor. Doctoral dissertation, 2007.
- Lan 2016 — *T. Lan*. Overlapping reference and its implications for the binding theory. MA Thesis, The Hebrew University of Jerusalem, 2016.
- Liu et al. 2021 — *B. L. Liu, P. C. Ma, C. Z. Wang, S. Yan, H. B. Yao, Y. L. Li, Y. M. Xie, S. L. Meng, J. Sun, Y. H. Cai, S. Sarengaowa*. Paternal origin of Tungusic-speaking populations: Insights from the updated phylogenetic tree of Y-chromosome haplogroup C2a-M86. In: *American Journal of Human Biology*. 2021, 33. 33:e23462.
- Malchukov 2008 — *A. L. Malchukov*. Sintaksis evenskogo jazyka: strukturnye, semanticheskie, kommunikativnye aspekty. Sankt-Peterburg: Nauka, 2008. {*A. L. Malchukov*. Syntax of Even: Structural, semantic, communicative aspects. St. Petersburg: Nauka, 2008.}
- Malchukov, Spencer 2008 — *A. L. Malchukov, A. Spencer* (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Nedjalkov 1997 — *I. Nedjalkov*. Evenki. London: Routledge, 1997.
- Newman 2000 — *P. Newman*. The Hausa language: An encyclopedic reference grammar. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Nichols, Bickel 2013 — *J. Nichols, B. Bickel*. Locus of Marking in Possessive Noun Phrases. In: *The World Atlas of Language Structures Online* / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Nikolaeva, Tolskaya 2011 — *I. Nikolaeva, M. Tolskaya*. A grammar of Udihe. Berlin: Walter de Gruyter, 2011.
- Ozolinja 2013 — *L. V. Ozolinja*. Grammatika orokskogo jazyka. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo", 2013. {*L. V. Ozolinja*. Grammar of Uilta. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo", 2013.}
- Pakendorf 2017 — *B. Pakendorf*. Lamunkhin Even evaluative morphology in cross-linguistic comparison. In: *Morphology*. 2017, 27 (2). P. 123—158.
- Pakendorf, Krivoschapkina 2014 — *B. Pakendorf, I. V. Krivoschapkina*. Even nominal evaluatives and the marking of definiteness. In: *Linguistic Typology*. 2014, 18 (2). P. 289—331.
- Petrova 1967 — *T. I. Petrova*. Jazyk orokov (ul'ta). Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1967. {*T. I. Petrova*. Language of Uilta. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1967.}
- Reinhart, Reuland 1993 — *T. Reinhart, E. Reuland*. Reflexivity. In: *Linguistic Inquiry*. 1993, 24 (4). P. 657—720.
- Reuland 2007 — *E. Reuland*. Binding conditions: How can they be derived. In: *Lectures on Binding*. Department of Linguistics, St. Petersburg University. Joint PhD program St. Petersburg — Utrecht University, 2007.
- Reuland 2011 — *E. Reuland*. Anaphora and language design. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.
- Ribeiro 2012 — *E. R. Ribeiro*. A grammar of Karajá. PhD thesis. The University of Chicago, 2012.
- Sunik 1985 — *O. P. Sunik*. Ul'chskij jazyk: issledovanija i materialy. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1985. {*O. P. Sunik*. Ulch: Studies and Materials. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1985.}
- Testelefs, Toldova 1998 — *Ya. G. Testelefs, S. Yu. Toldova*. Refleksivnye mestoimeniya v dagestanskikh jazykakh i tipologiya refleksiva. In: *Voprosy jazykoznanija*. 1998, 3. S. 35—57. {*Ya. G. Testelefs, S. Yu. Toldova*. Reflexive pronouns in Daghestanian languages and the typology of reflexives. In: *Voprosy Jazykoznanija*. 1998, 3. P. 35—57.}
- Tsumagari 2003 — *T. Tsumagari*. Dagur. In: *The Mongolic languages* / Ed. by J. Janhunen. London: Routledge, 2003. P. 129—153.

Как и когда появились мансийские диалекты?

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН,
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); julianor@mail.ru
Кошелюк Наталья Андреевна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); NKoshelyuk@yandex.ru

«Диалекты» мансийского языка являются одними из самых загадочных среди уральских языков. В сохранившихся небольших словарных списках XVIII в. есть лишь массовые, как представлялось раньше, «спорадические» изменения, в списках базисной лексики северного и восточного диалектов мансийского — 87% общих слов, что указывало на достаточно позднее время распада. Однако привлечение данных не только по графике первых книг и глоттохронологии, но и по морфологии, и рядом фонетических соответствий противоречат этим выводам. Было выявлено, что наибольшая степень морфологических различий наблюдается между восточными и западными диалектами — они имеют лишь 60% общих аффиксов, что сравнимо с различиями между коми и удмуртскими языками, и значительно меньше отличий по морфологии в кыпчакских языках между собой, мокшанским и эрзянским, луговым и горным марийским. Фонетические регулярные соответствия в словарях XIX в. четырех диалектов разных групп, которые были получены в результате обработки словарей с помощью программы ЛингвоДока «Анализ когнатов», также демонстрируют значительное количество независимых инноваций, особенно много их между северными, восточными vs. южными мансийскими диалектами. С точки зрения статистики фонетическая разница между этими мансийскими «диалектами» сравнима с различиями между луговым и горным марийским языками и превосходит количество фонетических инноваций, которые произошли после разделения татарского, башкирского и казахского, эрзянского и мокшанского языков. Все это указывает на время распада, сравнимое с отделением, например, якутского от других тюркских языков в первой половине I тыс. н. э. Обращение к данным археологии и истории подтверждает эту гипотезу, т. к. первые миграции манси на запад с Урала имели место начиная с V в. н. э., под воздействием тюркских племен, которые продвигались с востока, постепенно занимали Уральские горы и теснили манси, в связи с чем часть предков западных манси мигрировала в Прикамье и в бассейн реки Печоры. Исследование фонетических и морфологических рядов соответствий надежно показывает существование северно-восточной группы манси, которые разделились, судя по историческим данным, только во II тыс. н. э. Видимо, тот факт, что современные полевые записи базисной лексики проводились только от носителей этих диалектов, привел к более поздним датировкам распада прамансийского языка, чем это было на самом деле.

Ключевые слова: мансийские диалекты, фонетика, графика, морфология, лексика, компьютерные программы

HOW AND WHEN DID MANSI DIALECTS ARISE?

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the RAS,
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); julianor@mail.ru
Natalia A. Koshelyuk, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); NKoshelyuk@yandex.ru

The “dialects” of the Mansi language are among the most mysterious of the Uralic languages. In the small extant dictionary lists from the 18th century, there are only common, previously considered “sporadic,” changes. In the lists of basic vocabulary from the northern and eastern dialects of Mansi, the percentage of shared words is 87%, which initially suggested a relatively recent disintegration of the language. However, it has since become clear that data from early written materials, glottochronology, morphology, and phonetic correspondences contradict this conclusion. It has been found that the greatest degree of morphological divergence occurs between the eastern and western dialects, which share only 60% of their affixes — a difference comparable to that between the Komi and Udmurt languages. Phonetic correspondences in 19th-century dictionaries of four dialect groups, analyzed using the LingvoDoc tool “Cognate Analysis,” also reveal a significant number of independent innovations. These are especially numerous between the northern and eastern dialects compared to the southern dialects. Statistically, the phonetic differences between these Mansi “dialects” are comparable to those between the Meadow and Mountain Mari languages and exceed the number of innovations that occurred after the separation of Tatar, Bashkir, and Kazakh, as well as Erzya and Moksha. All this points to a time of disintegration comparable to the divergence of Yakut from other Turkic languages in the first half of the first millennium AD. Archaeological and historical data support this hypothesis. Migrations of the Mansi to the west from the Urals have been recorded since the 5th century AD. Some of the ancestors of the Western Mansi migrated to the Kama region and the Pechora River basin, driven by the pressure of Turkic tribes advancing from the east and gradually occupying the Ural Mountains, displacing the Mansi.

The study of phonetic and morphological correspondences reliably indicates the existence of a northeastern group of Mansi, which, according to historical data, split only in the second millennium AD. It appears that the fact that modern field recordings of basic vocabulary have been conducted only among speakers of these dialects led to a later dating of the disintegration of Proto-Mansi than actually occurred.

Keywords: Mansi dialects, phonetics, graphics, morphology, lexic, computer programs

В настоящее время на лингвистической платформе ЛингвоДок создана возможность оценивать близость языков и диалектов по трем параметрам: 1) количеству родственных слов в базисной лексике, за исключением заимствований (программа «Глоттохронологический анализ языков/диалектов»); 2) количеству фонетических изменений между языками и диалектами (программа «Анализ когнатов в языках/диалектах»); 3) количеству родственных морфологических аффиксов (программа «Степень морфологической близости языков/диалектов»). Также на платформе реализована еще одна опция — суммарная аппроксимация всех полученных результатов вышеуказанных программ. Учитывая, что «Глоттохронологический анализ языков/диалектов» и «Степень морфологической близости языков/диалектов» выдают результат анализа языковых данных в процентах сходства, а «Анализ когнатов в языках/диалектах» — в количестве различий между данными, для корректной работы опции суммарной аппроксимации было необходимо перевести количество различий в когнатах в проценты. Опытным путем на платформе ЛингвоДок было выявлено, что максимальное количество фонетических различий в рядах соответствий составляет не более 500. Разработчиками алгоритма эта цифра была принята как 100% различий; далее любые различия сопоставлялись с 500 и таким образом высчитывался процент фонетических различий в рядах соответствий. После этого для каждой пары языков выводился средний процент различий из трех величин различий в морфологии, фонетике и базисной лексике.

Как было показано в статье [Normanskaya, Fedotova 2022], есть случаи, когда количество различий в базисной лексике указывает на достаточно раннее время распада, а фонетически диалекты довольно близки (ср. восточный и западный хантыйский). Существуют и противоположные примеры, когда различия в базисной лексике незначительны, а фонетические различия достаточно велики: это можно наблюдать, в частности, в удмуртском и бесермянском языках (см. [Безенова, Норманская 2022]). В связи с этим крайне важно анализировать не только фонетические и лексические различия, но и морфологические.

Мансийские диалекты представляются интересными для такого анализа по ряду причин. Согласно [Normanskaya, Fedotova 2022], в мансийских диалектах еще в XVIII в. практически не было четких фонетических изоглосс, а по глоттохронологии процент совпадений в базисной лексике сосвинского и юкондинского мансийского составил 87%, что указывает на различия на уровне разных языков. Ответить на вопрос, какая оценка более правильная — по фонетическому сходству или по лексическому, — можно только, обратившись к результатам анализа морфологии. Но как раз сравнение степени близости по морфологии в настоящее время было весьма затруднено, особенно для исчезнувших западных и южных диалектов мансийского языка. Для северных и восточных диалектов существуют довольно полные грамматические описания и таблицы, например на сайте проектов «Ob-Ugric languages» и «Ob-Ugric database»¹ и в монографии [Oxford guide 2022]. Их пилотное изучение программами обсчета данных платформы ЛингвоДок показывает, что северные и восточные диалекты с точки зрения морфологии имеют более 90% этимологически родственных аффиксов (см. часть I). На первый взгляд, этот результат явно указывает на близость мансийских диалектов между собой, что соответствует общепринятому мнению по настоящему вопросу и в определенной степени подтверждает отсутствие системных фонетических изоглосс в XVIII в. Но, как оказалось после привлечения к анализу данных о морфологических системах тавдинского (южного) и пелымского (западного) мансийских диалектов, опубликованных в раритетной и недоступной в настоящее время в России монографии Б. Мункачи [Munkácsi 1894], эта картина принципиально меняется. Процент родственных аффиксов с одинаковым значением у пелымского мансийского с кондинским равен 64%, с сосвинским — 70%, с тавдинским — 72%. Для тавдинского мансийского и сосвинского результат получился несколько выше, но тоже схож с вышеуказанным — 79%, при этом в сопоставлении с кондинским диалектом мы получили всего 65% сходства. Это чрезвычайно низкий процент даже для близкородственных языков. Так, например, 97% совпадающих аффиксов было определено между удмуртским и бесермянским, 92% — между луговым и горным марийским, 87% — между башкирским и казахским. Как объяснить этот феномен? Для ответа на поставленный вопрос в части II настоящей статьи мы рассмотрим с точки зрения глоттохронологии и фонетических соответствий данные мансийских словарей Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, протоиерея С. Черкалова, созданных в XVIII в., и сравним их с архивными данными XIX в. по книге Б. Мункачи [Munkácsi 1894] и с экспедиционными данными М. К. Амелиной и И. А. Стенина, собранными в XXI в. На сегодняшний день все эти источники оцифрованы, размещены на платформе ЛингвоДок и проэтимологизированы с помощью программы «Поиск этимологий». Таким образом, мы увидим, как менялась степень различий между мансийскими диалектами на протяжении последних 250 лет и как эти данные согласуются со степенью морфологической близости.

¹ См. <https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?language=de>.

Часть I. Степень морфологической близости мансийских диалектов

Для реализации целей настоящего исследования на платформе ЛингвоДок нами были созданы морфологические словари мансийских диалектов по монографии [Munkácsi 1894]:

- Словарь сосвинского диалекта²;
- Словарь юкондинского диалекта³;
- Словарь тавдинского диалекта⁴;
- Словарь пельимского диалекта⁵.

Все родственные аффиксы в них были также соединены между собой этимологическими связями, после чего применен инструмент «Степень морфологической близости между диалектами». В результате обработки словарей с помощью этой программы инструмента выявлены морфемы, имеющие когнаты в одном или нескольких словарях, и морфемы, которые не имеют этимологических параллелей в других рассматриваемых словарях. Все зафиксированные в словаре морфемы того или иного диалекта программа принимает за 100%. Количество родственных морфем и морфем с одинаковым значением подсчитывается программой и выдается в виде процента (см. рис. 1).

	1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по книге Б. Мункачи "A vogul nyelvjárások szóragszókban ismertetv" (1894)	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по книге Б. Мункачи "A vogul nyelvjárások szóragszókban ismertetv" (1894)	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по книге Б. Мункачи "A vogul nyelvjárások szóragszókban ismertetv" (1894)	4. Морфологический словарь пельимского диалекта по книге Б. Мункачи "A vogul nyelvjárások szóragszókban ismertetv" (1894)
1	n/a	2.02 (70%)	2.20 (67%)	1.94 (72%)
2	1.60 (79%)	n/a	1.05 (90%)	2.06 (70%)
3	2.29 (65%)	0.99 (91%)	n/a	2.35 (64%)
4	1.91 (73%)	2.33 (64%)	2.56 (60%)	n/a

Рис. 1. Процент родственных аффиксов с одинаковым значением в мансийских диалектах

Далее программа строит график близости этих диалектов с точки зрения морфологии (см. рис. 2) и отображает все родственные аффиксы с одинаковым значением (см. таблицу 1). Наличие аффиксов, перечисленных в таблице 1, было проверено нами по современным грамматическим описаниям мансийских диалектов, в первую очередь по [Oxford guide 2022] и на сайте проекта «Ob-Ugric languages». В целом можно отметить, что грамматическое описание Б. Мункачи восточного и северного диалектов мансийского существенно не отличается от современных диалектных описаний. Основные отличия могут быть объяснены как различия в способе записи тех или иных морфем, поэтому мы не считаем целесообразным подробно останавливаться на них из-за экономии места и непринципиального значения для нашего исследования. Но факт отсутствия статистически значимого количества отличий между описанием Б. Мункачи и современных исследователей для северных и восточных диалектов показывает высокую степень точности и, с нашей точки зрения, убеждает в возможности доверия его описанию грамматических систем южного и западного диалектов.

Еще раз подчеркнем: в таблицу 1 попали только морфемы, имеющие идентичное значение в нескольких диалектах. Если морфема в одном из диалектов имеет немного другое значение, например *-tal* — показатель каритива в кондинском (см. таблицу 2) и отрицательного деепричастия в сосвинском, то она не попадет в одну строку таблицы 1, хотя эти показатели, безусловно, являются когнатами. Идея нашего подсчета состоит в том, что в одном из диалектов у этой морфемы произошло инновационное изменение значения, поэтому такой случай будет повышать количество различий между сосвинским и кондинским мансийскими диалектами.

Программа также показывает все аффиксы, которые не имеют этимологии в других мансийских диалектах (см. таблицу 2).

² См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/9656/1981/perspective/9656/1984/view>.

³ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/9656/4/perspective/9656/7/view>.

⁴ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/9656/14/perspective/9656/17/view>.

⁵ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/9656/1612/perspective/9656/1615/view>.

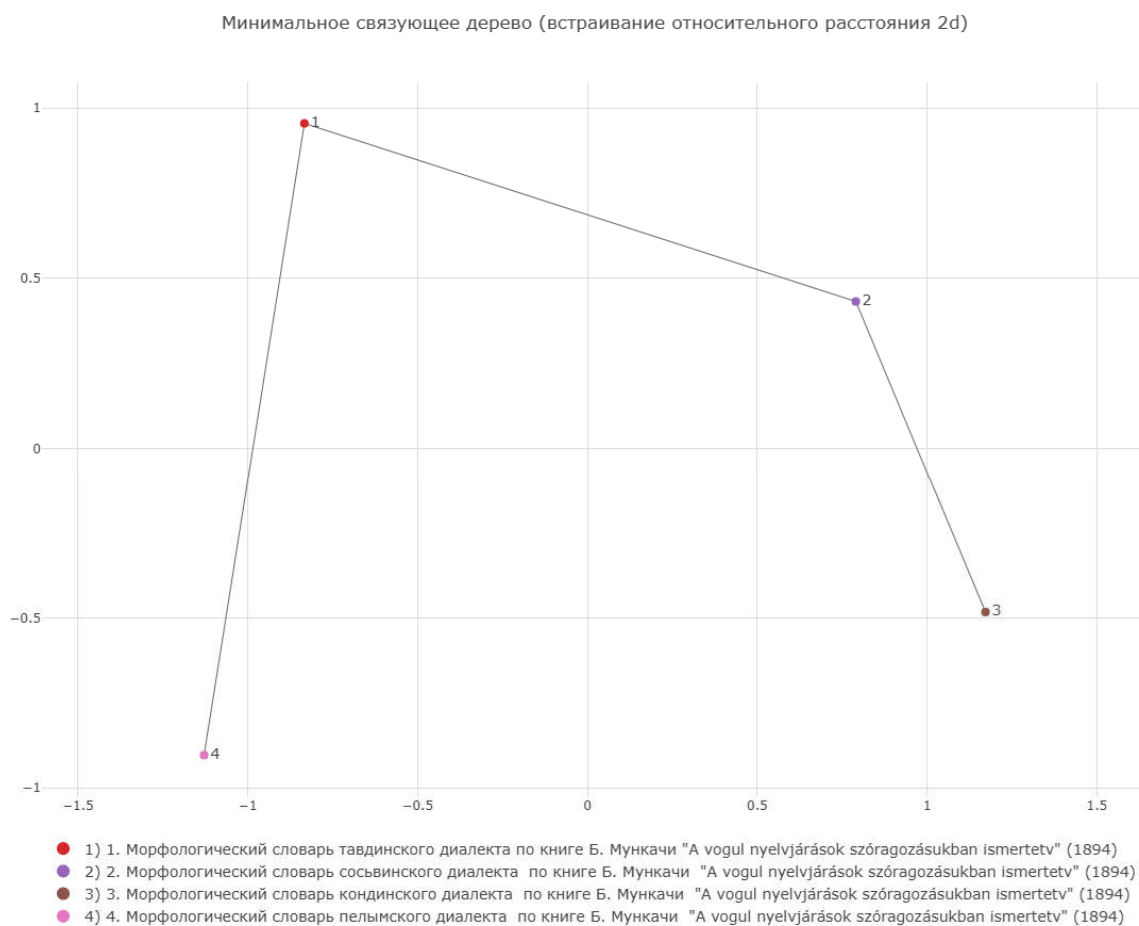

Рис. 2. Степень близости мансийских диалектов XIX в. с точки зрения морфологии⁶

⁶ Здесь и далее приведенные графики не являются математическими, а носят исключительно иллюстративный характер. Цифры на осях демонстрируют относительную близость диалектов между собой. Принцип построения графиков следующий: чем больше два идиома имеют родственных морфем, лексем в списках базисной лексики или совпадающих фонем в рядах регулярных соответствий, тем ближе они находятся между собой на графике. При этом можно учитывать расстояния как указанные с помощью линий, так и без них (в частности, на рис. 2 это расстояния между пунктами 3 и 4).

Таблица 1. Аффиксы с одинаковым значением,
имеющие когнаты как минимум еще в одном диалекте мансийского языка

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельмского диалекта по [Munkácsi 1894]
- <i>än</i> (PRES.IND.3PL.S.ACT.OBJ)			- <i>än</i> (PRES.IND.3PL.S.ACT.OBJ)
- <i>än</i> (PRET.IND.3PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.S.ACT.OBJ; PRET.IND.3PL.S.ACT.OBJ)			- <i>än</i> (PRET.IND.3PL.S.ACT.OBJ) - <i>än</i> (COND.IND.3PL.S.ACT.OBJ) - <i>än</i> (COND.IND.3PL.P.ACT.OBJ) - <i>än</i> (PRET.IND.3PL.P.ACT.OBJ)
- <i>än</i> ; - <i>an</i> (POSS.3PL.S)			- <i>än</i> (POSS.3PL.S)
- <i>an</i> / - <i>än</i> (POSS.PL)	- <i>än</i> (POSS.PL)		
- <i>änë</i> (PRET.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	- <i>änä</i> (IMP.IND.3SG.P.ACT.OBJ; PRET.IND.3SG.P.ACT.OBJ; PRES.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	- <i>än</i> (PRES.IND.3SG.P.ACT.OBJ; IMP.IND.3SG.P.ACT.OBJ; PRET.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	- <i>än</i> (PRET.IND.3SG.P.ACT.OBJ) - <i>än</i> (PRES.IND.3SG.P.ACT.OBJ)
- <i>änëm</i> ; - <i>änëm</i> (PRET.IND.1SG.P.ACT.OBJ; COND.IND.1SG.P.ACT.OBJ)	- <i>änëm</i> (PRES.IND.1SG.P.ACT.OBJ; COND.IND.1SG.P.ACT.OBJ; PRET.IND.1SG.P.ACT.OBJ)	- <i>änëm</i> (PRET.IND.1SG.P.ACT.OBJ)	
- <i>änën</i> (PRET.IND.2SG.P.ACT.OBJ)	- <i>änën</i> ; - <i>än</i> (PRET.IND.2DU.P.ACT.OBJ)	- <i>änën</i> (PRET.IND.2SG.P.ACT.OBJ)	- <i>nän</i> (COND.IND.2DU.P.ACT.OBJ; PRES.IND.2DU.P.ACT.OBJ; PRET.IND.2DU.P.ACT.OBJ)
- <i>en</i> (PRES.IND.2PL.ACT.OBJLESS)	- <i>jin</i> (PRES.IND.2DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2PL.ACT.OBJLESS)	- <i>inë</i> (COND.IND.2DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2DU.ACT.OBJLESS)	- <i>inë</i> (PRES.IND.2PL.ACT.OBJLESS) - <i>inë</i> (COND.IND.2DU.ACT.OBJLESS) - <i>inë</i> (PRES.IND.2DU.ACT.OBJLESS)
- <i>ët</i> ; - <i>et</i> (PRES.IND.3PL.ACT.OBJLESS; FUT.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>wët</i> ; - <i>ut</i> (PRES.IND.3PL.P.OBJLESS) - <i>ët</i> (COND.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>ët</i> (IMP.IND.3PL.ACT.OBJLESS)	- <i>ët</i> (PRES.IND.3PL.P.OBJLESS; IMP.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>ët</i> ; - <i>e'it</i> (PRES.IND.3PL.ACT.OBJLESS; IMP.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>ët</i> ; - <i>ët</i> ; - <i>ët</i> ; - <i>t</i> ; - <i>t</i> (PRET.IND.3PL.ACT.OBJLESS; COND.IND.3PL.P.OBJLESS; COND.IND.3PL.ACT.OBJLESS)	- <i>ät</i> ; - <i>t</i> ; - <i>ät</i> ; - <i>ut</i> ; - <i>gut</i> ; - <i>ët</i> (COND.IND.3PL.ACT.OBJLESS; PRES.IND.3PL.ACT.OBJLESS; PRES.IND.3PL.P.OBJLESS; COND.IND.3PL.P.OBJLESS; IMP.IND.3PL.P.OBJLESS; IMP.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>t</i> (PRET.IND.3PL.ACT.OBJLESS)	- <i>e'it</i> ; - <i>et</i> (PRES.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>t</i> (PRET.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>i'it</i> ; - <i>et</i> (COND.IND.3PL.ACT.OBJLESS) - <i>et</i> (IMP.IND.3PL.ACT.OBJLESS)
- <i>ë</i> ; - <i>i</i> (POSS.3SG.P; POSS.3SG.S)	- <i>ä</i> (POSS.3SG.S; POSS.3SG.P)		
- <i>ën</i> (COND.IND.2SG.P.ACT.OBJ)	- <i>ën</i> / - <i>än</i> (COND.IND.2SG.P.ACT.OBJ)		
- <i>ën</i> (POSS.2PL.S; COND.IND.2PL.S.ACT.OBJ; PRET.IND.2PL.ACT.OBJLESS) - <i>en</i> (FUT.IND.2PL.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2PL.P.ACT.OBJ; FUT.IND.2PL.P.ACT.OBJ) - <i>ën</i> ; - <i>ën</i> (PRET.IND.2SG.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.2SG.P.ACT.OBJ; POSS.2SG.S; POSS.2SG.P; IMP.IND.2SG.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2SG.ACT.OBJLESS;	- <i>än</i> (IMP.IND.2PL.P.ACT.OBJ; IMP.IND.2PL.ACT.OBJLESS; IMP.IND.2DU.P.ACT.OBJ; IMP.IND.2SG.P.ACT.OBJ) - <i>än</i> (POSS.2PL.S; POSS.2PL.P) - <i>än</i> (IMP.IND.3DU.P.ACT.OBJ) - <i>ën</i> ; - <i>ën</i> (PRES.IND.2SG.D.ACT.OBJ; IMP.IND.3DU.D.ACT.OBJ) - <i>ën</i> ; - <i>ën</i> ; - <i>n</i> (PRET.IND.2SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.2DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.2DU.P.OBJLESS;	- <i>än</i> (POSS.2SG.P; POSS.2SG.D) - <i>n</i> (COND.IND.2SG.P.ACT.OBJ; COND.IND.2SG.D.ACT.OBJ) - <i>ën</i> (IMP.IND.2SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.2SG.S.ACT.OBJ; PRET.IND.2SG.P.OBJLESS; IMP.IND.2SG.P.OBJLESS; PRES.IND.2SG.S.ACT.OBJ; POSS.2SG.S) - <i>n</i> (COND.IND.2DU.P.OBJLESS; COND.IND.2DU.P.ACT.OBJ; COND.IND.2DU.D.ACT.OBJ)	- <i>in</i> ; - <i>in</i> (PRES.IND.2SG.S.ACT.OBJ) - <i>än</i> (PRES.IND.2SG.P.ACT.OBJ) - <i>än</i> (PRES.IND.3DU.P.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.P.ACT.OBJ) - <i>än</i> (POSS.3DU.D) - <i>än</i> (POSS.2PL.P) - <i>än</i> (IMP.IND.2PL.P.ACT.OBJ) - <i>än</i> (PRET.IND.2DU.ACT.OBJLESS) - <i>än</i> (IMP.IND.2DU.ACT.OBJLESS) - <i>än</i> (IMP.IND.2SG.S.ACT.OBJ)

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельымского диалекта по [Munkácsi 1894]
FUT.IND.2SG.S.ACT.OBJ; FUT.IND.2SG.P.ACT.OBJ; FUT.IND.2SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.2SG.S.ACT.OBJ; PRET.IND.2SG.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2SG.P.ACT.OBJ) -un (PRES.IND.2SG.P.OBJLESS) -en; -in (FUT.IND.2PL.ACT.OBJLESS) -ēn (COND.IND.2SG.ACT.OBJLESS) -ēn (POSS.2PL.P) -en (PRES.IND.2SG.ACT.OBJLESS)	COND.IND.2SG.P.OBJLESS) -ēn; -ēn (COND.IND.3DU.D.ACT.OBJ; COND.IND.2DU.D.ACT.OBJ; COND.IND.2SG.D.ACT.OBJ) -ēn; -ēn (PRET.IND.2DU.D.ACT.OBJ; PRET.IND.2SG.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3DU.D.ACT.OBJ) -ēn (PRET.IND.2DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.3DU.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3DU.D.ACT.OBJ; PRES.IND.2DU.D.ACT.OBJ; IMP.IND.3DU.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2DU.D.ACT.OBJ; PRET.IND.2DU.P.OBJLESS) -ēn (POSS.2SG.P; POSS.2SG.S) -ēn (IMP.IND.2SG.ACT.OBJLESS; PRET.IND.2SG.P.OBJLESS) -e'in; -ēn (PRES.IND.2SG.ACT.OBJLESS) -än/-änēn (PRES.IND.3DU.P.ACT.OBJ) -ēn; -jin (POSS.2DU.S) -ēn (POSS.2SG.D) -ēn (POSS.2DU.D; POSS.3DU.D) -än (POSS.2PL.D) -ēn (POSS.2DU.P; POSS.3DU.P) -än (PRES.IND.2PL.P.ACT.OBJ) -ēn; -ēn; -ēn (IMP.IND.2DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2DU.P.OBJLESS) -ēn; -ēn (IMP.IND.2SG.P.OBJLESS; PRES.IND.2SG.P.OBJLESS) -än (PRET.IND.2PL.D.ACT.OBJ; PRET.IND.2PL.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2PL.D.ACT.OBJ; IMP.IND.2PL.D.ACT.OBJ; COND.IND.2PL.D.ACT.OBJ; COND.IND.2PL.ACT.OBJLESS; COND.IND.2PL.P.ACT.OBJ; PRET.IND.2PL.P.OBJLESS; COND.IND.2PL.P.OBJLESS; PRET.IND.2PL.P.ACT.OBJ) -ēn (COND.IND.2SG.ACT.OBJLESS) -än; -änēn (PRET.IND.3DU.P.ACT.OBJ)	-än (PRES.IND.3DU.D.ACT.OBJ; IMP.IND.3DU.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3DU.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3DU.P.ACT.OBJ; PRES.IND.3DU.P.ACT.OBJ; IMP.IND.3DU.P.ACT.OBJ) -n (COND.IND.2PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.2PL.P.OBJLESS; COND.IND.2PL.D.ACT.OBJ) -än (POSS.3DU.D; POSS.3DU.P) -än (POSS.2DU.P; POSS.2DU.D; POSS.2DU.S) -än (POSS.2PL.D; POSS.2PL.S) -än (COND.IND.2SG.ACT.OBJLESS; IMP.IND.2SG.D.ACT.OBJ; IMP.IND.2SG.P.ACT.OBJ; PRES.IND.2SG.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2SG.D.ACT.OBJ; PRES.IND.2SG.P.ACT.OBJ; PRET.IND.2SG.D.ACT.OBJ) -än (PRET.IND.2PL.ACT.OBJLESS) -än (PRET.IND.2SG.ACT.OBJLESS) -ēn, -un (PRES.IND.2SG.P.OBJLESS)	-ēn (IMP.IND.2SG.ACT.OBJLESS; PRET.IND.2SG.ACT.OBJLESS) -e'in (PRES.IND.2SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.2SG.ACT.OBJLESS) -än (COND.IND.2DU.P.ACT.OBJ) -ēn (POSS.2SG.S) -än (PRET.IND.3DU.P.ACT.OBJ) -än (IMP.IND.2PL.ACT.OBJLESS) -än (POSS.2PL.S) -än (POSS.2DU.S) -än (IMP.IND.2SG.P.ACT.OBJ) -än (IMP.IND.2DU.P.ACT.OBJ) -än (PRET.IND.2PL.ACT.OBJLESS) -än (PRES.IND.3DU.S.ACT.OBJ) -än (IMP.IND.2SG.D.ACT.OBJ) -än (POSS.2DU.D) -än (POSS.2PL.D)
-ēn (PRES.IND.2PL.P.OBJLESS)	-än (PRES.IND.2PL.P.OBJLESS)		

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельмского диалекта по [Munkácsi 1894]
<i>-és; -ést</i> (PRET)	<i>-es; -s; -äs</i> (PRET)	<i>-s</i> (PRET)	<i>-s</i> (PRET)
<i>-i</i> (COND.IND.3SG.ACT.OBJLESS)	<i>-i</i> (PRES.IND.3SG.ACT.OBJLESS)	<i>-i</i> (PRES.IND.3SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.3SG.ACT.OBJLESS)	<i>-i</i> (COND.IND.3SG.ACT.OBJLESS) <i>-i</i> (PRES.IND.3SG.ACT.OBJLESS)
<i>-i; -é</i> (PRES.IND.3SG.P.ACT.OBJ; FUT.IND.3SG.ACT.OBJLESS; IMP.IND.3SG.ACT.OBJLESS; FUT.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	<i>-ä</i> (POSS.3SG.D) <i>-ä; -i</i> (IMP.IND.3SG.ACT.OBJLESS) <i>-ä</i> (IMP.IND.3SG.D.ACT.OBJ; COND.IND.3SG.D.ACT.OBJ; PRES.IND.3SG.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3SG.D.ACT.OBJ) <i>-wé/-ä</i> (IMP.IND.3SG.ACT.OBJLESS)	<i>-é</i> (IMP.IND.3SG.P.OBJLESS; IMP.IND.3SG.ACT.OBJLESS; PRET.IND.3SG.S.ACT.OBJ) <i>-ä</i> (PRES.IND.3SG.D.ACT.OBJ; POSS.3SG.D; PRET.IND.3SG.D.ACT.OBJ)	<i>-i</i> (IMP.IND.3SG.ACT.OBJLESS)
<i>-ilän</i> (IMP.IND.3PL.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	<i>-ëlän</i> (IMP.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	<i>-ëlän</i> (IMP.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	<i>-län</i> (IMP.IND.2PL.S.ACT.OBJ)
<i>-ilän</i> (PRES.OBJ.PL)	<i>-iän</i> (PRES.OBJ.PL)		
<i>-in</i> (COND.IND.2PL.ACT.OBJLESS)			<i>-inê</i> (COND.IND.2PL.ACT.OBJLESS)
<i>-iu, -eu</i> (PRES.IND.3SG.P.OBJLESS)	<i>-wé</i> (PRES.IND.3SG.P.OBJLESS)	<i>-wé</i> (PRES.IND.3SG.P.OBJLESS)	
<i>-l</i> (INSTR) <i>-l</i> (INSTR)	<i>-l; -ël</i> (INSTR)	<i>-l</i> (INSTR)	<i>-l</i> (INSTR)
<i>-lne</i> (PRES.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	<i>-län</i> (COND.IND.2PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	<i>-län</i> (PRES.IND.2PL.D.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.P.OBJLESS; IMP.IND.2PL.P.OBJLESS; PRET.IND.2PL.D.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.2PL.ACT.OBJLESS; COND.IND.2PL.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2PL.ACT.OBJLESS; IMP.IND.2PL.D.ACT.OBJ; IMP.IND.2PL.P.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.ACT.OBJLESS)	<i>-nän; -län</i> (PRET.IND.2PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.S.ACT.OBJ; COND.IND.2PL.S.ACT.OBJ)
<i>-lū</i> (PRES.IND.1PL.S.ACT.OBJ)	<i>-lūw; -lūw; -leuw</i> (PRET.IND.1PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1PL.S.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.S.ACT.OBJ)	<i>-lqu</i> (PRET.IND.1PL.S.ACT.OBJ)	<i>-lqu; -nqu</i> (PRES.IND.1PL.S.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.S.ACT.OBJ)
<i>-m</i> (POSS.1SG.S) <i>-um</i> (PRES.IND.1SG.P.OBJLESS) <i>-lēm</i> (PRES.IND.1SG.S.ACT.OBJ) <i>-ēm</i> (FUT.IND.1SG.P.ACT.OBJ; PRES.IND.1SG.P.ACT.OBJ) <i>-ēm</i> (COND.IND.1SG.ACT.OBJLESS) <i>-ēm; -em; -ēm</i> (PRET.IND.1SG.S.ACT.OBJ; FUT.IND.1SG.S.ACT.OBJ; POSS.1SG.P; POSS.1SG.S; PRES.IND.1SG.ACT.OBJLESS;	<i>-lēm</i> (COND.IND.1SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1SG.S.ACT.OBJ; PRET.IND.1SG.S.ACT.OBJ) <i>-e'im</i> (PRES.IND.1SG.ACT.OBJLESS) <i>-ēm</i> (PRES.IND.1SG.P.OBJLESS) <i>-ēm</i> (POSS.1SG.D) <i>-ēm; -m</i> (COND.IND.1SG.D.ACT.OBJ; COND.IND.1SG.ACT.OBJLESS; PRES.IND.1SG.D.ACT.OBJ; POSS.1SG.S; POSS.1SG.P;	<i>-m</i> (COND.IND.1SG.P.ACT.OBJ; COND.IND.1SG.D.ACT.OBJ) <i>-ēm</i> (PRET.IND.1SG.P.OBJLESS; PRES.IND.1SG.P.OBJLESS; PRET.IND.1SG.ACT.OBJLESS; PRES.IND.1SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1SG.ACT.OBJLESS; POSS.1SG.S; COND.IND.1SG.S.ACT.OBJ) <i>-äm; -qm; -am</i> (POSS.1SG.D; POSS.1SG.P; PRES.IND.1SG.D.ACT.OBJ; PRES.IND.1SG.P.ACT.OBJ;	<i>-äm</i> (POSS.1SG.D; POSS.1DU.D) <i>-e'im</i> (COND.IND.1SG.ACT.OBJLESS) <i>-mē; -lēm</i> (COND.IND.1SG.S.ACT.OBJ) <i>-im; -īm; -ēm</i> (PRES.IND.1SG.S.ACT.OBJ) <i>-ēm</i> (POSS.1SG.S) <i>-äm</i> (PRES.IND.1SG.P.ACT.OBJ; COND.IND.1SG.P.ACT.OBJ) <i>-mē/-lēm</i> (PRET.IND.1SG.S.ACT.OBJ)

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельымского диалекта по [Munkácsi 1894]
PRET.IND.1SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.1SG.S.ACT.OBJ; FUT.IND.1SG.ACT.OBJLESS)	PRET.IND.1SG.P.OBJLESS; COND.IND.1SG.P.OBJLESS; PRET.IND.1SG.D.ACT.OBJ; PRET.IND.1SG.ACT.OBJLESS)	PRET.IND.1SG.D.ACT.OBJ) -qm (PRES.IND.1SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.1SG.ACT.OBJLESS) -um (PRES.IND.1SG.P.OBJLESS) -lēm (PRET.IND.1SG.S.ACT.OBJ)	-ēm (PRET.IND.1SG.ACT.OBJLESS) -eim (PRES.IND.1SG.ACT.OBJLESS)
-m, -mī, -mē (ACC)		-m; -mē (ACC)	-ām (ACC)
-n (COND)		-n (COND)	-n (COND)
-ni (COND.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	-ne (COND.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	-ni (COND.IND.3SG.P.ACT.OBJ)	
-nil (COND)	-nū; -nuw; -nūw; -nu (COND)	-niy (COND)	
-ū (PRET.IND.1PL.ACT.OBJLESS; PRET.IND.1PL.S.ACT.OBJ; FUT.IND.1PL.P.ACT.OBJ; PRES.IND.1PL.P.ACT.OBJ) -wū (PRES.IND.1PL.P.OBJLESS) -ānū; -ānū (PRET.IND.1PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.P.ACT.OBJ) -iu (COND.IND.1PL.ACT.OBJLESS) -ū (POSS.1PL.P; POSS.1PL.S) -eu; -iu (PRES.IND.1PL.ACT.OBJLESS; FUT.IND.1PL.ACT.OBJLESS) -ū (COND.IND.1PL.S.ACT.OBJ)	-ānūw (PRET.IND.1PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.P.ACT.OBJ) -euw; -ūw; -ūw; -ūw (PRET.IND.1PL.P.OBJLESS; POSS.1PL.P; COND.IND.1PL.ACT.OBJLESS; COND.IND.1PL.D.ACT.OBJ; POSS.1PL.S; PRES.IND.1PL.ACT.OBJLESS; PRES.IND.1PL.D.ACT.OBJ; PRET.IND.1PL.ACT.OBJLESS; PRET.IND.1PL.D.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.P.OBJLESS) -euw (PRES.IND.1PL.P.OBJLESS) -nūw (PRES.IND.1PL.P.ACT.OBJ) -ūw (POSS.1PL.D)	-iwē (COND.IND.1PL.ACT.OBJLESS) -u (COND.IND.1DU.D.ACT.OBJ) -qu (PRES.IND.1PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1PL.P.OBJLESS; COND.IND.1PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.S.ACT.OBJ; POSS.1PL.D; POSS.1PL.P; POSS.1PL.S; PRES.IND.1PL.ACT.OBJLESS) -ēngu (PRET.IND.1PL.P.ACT.OBJ; PRES.IND.1PL.D.ACT.OBJ; PRES.IND.1PL.P.ACT.OBJ) -qu (PRET.IND.1PL.ACT.OBJLESS)	-qu (POSS.1PL.P) -iwē (PRES.IND.1PL.ACT.OBJLESS; COND.IND.1PL.ACT.OBJLESS) -qu (POSS.1PL.D; POSS.1PL.S) -qu (PRET.IND.1PL.ACT.OBJLESS) -ngu (PRES.IND.1PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.1PL.P.ACT.OBJ; PRET.IND.1PL.P.ACT.OBJ)
-ānnē (PRET.IND.2PL.P.ACT.OBJ)		-ēnān (PRET.IND.2PL.P.ACT.OBJ)	
0 (FUT.IND.3SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3SG.ACT.OBJLESS; PRET.IND.3SG.ACT.OBJLESS)	0 (PRET.IND.3SG.ACT.OBJLESS; COND.IND.3SG.ACT.OBJLESS; PRET.IND.3SG.P.OBJLESS)	0 (COND.IND.3SG.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3SG.P.OBJLESS; PRET.IND.3SG.ACT.OBJLESS; IMP.IND.3SG.D.ACT.OBJ)	
0 (NOM)	0 (NOM)	-0 (NOM)	-0 (NOM)
-i'; -u (TRANSL) -w (TRANS)	-ai'; -iy; -i (TRANSL)	-ai', -ai; -i (TRANSL)	-y (TRANSL)
-n; -nq; -ne (LAT) -n, -nā/-nā (LAT)	-nē; -n (LAT)	-nē; -n (LAT)	-n; -nē (LAT)
-nql; -nēl (ABL) -nāl/-nāl (ABL)	-nēl (ABL)	-nēl (ABL)	
-tq; -tā; -tē; -t (LOC) -t, -tā/-tā (LOC)	-tē; -t (LOC)	-t (LOC)	-t (LOC)
	-ēi'; -ēi' (IMP.IND.3DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.3DU.P.OBJLESS) -i' (PRET.IND.3DU.ACT.OBJLESS) -ei (COND.IND.3DU.P.OBJLESS;	-ēi'; -ēi'; -ēi' (IMP.IND.3DU.ACT.OBJLESS; IMP.IND.3DU.P.OBJLESS; PRES.IND.3DU.P.OBJLESS; PRET.IND.3DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.3DU.P.OBJLESS)	-íyē (IMP.IND.3DU.ACT.OBJLESS) -ēi (PRET.IND.3DU.ACT.OBJLESS)

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельмского диалекта по [Munkácsi 1894]
	PRET.IND.3DU.P.OBJLESS)	-ei (COND.IND.3DU.P.OBJLESS; PRET.IND.3DU.P.OBJLESS)	
	-äy (OBJ)	-q̄w/-qu (OBJ)	
	-tēl (INSTR)	-tēl (INSTR)	-tal (INSTR)
	-tēn; -tēn (COND.IND.3DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.3DU.S.ACT.OBJ)	-tēn (PRES.IND.3DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.3DU.S.ACT.OBJ) -ten (COND.IND.3DU.S.ACT.OBJ; COND.IND.3DU.D.ACT.OBJ; COND.IND.3DU.P.ACT.OBJ)	
	-tā (COND.IND.3SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3SG.S.ACT.OBJ; PRET.IND.3SG.S.ACT.OBJ)	-tē (COND.IND.3SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3SG.S.ACT.OBJ.)	-tē (PRET.IND.3SG.S.ACT.OBJ) -t; -tē (PRES.IND.3SG.S.ACT.OBJ; COND.IND.3SG.S.ACT.OBJ)
	-ayēn (IMP.IND.2SG.D.ACT.OBJ)	-q̄wēn (IMP.IND.2SG.D.ACT.OBJ)	
	-lēn (PRES.IND.2DU.S.ACT.OBJ; COND.IND.2DU.S.ACT.OBJ) -län/-lēn (PRES.IND.2DU.P.ACT.OBJ)	-län (COND.IND.2DU.S.ACT.OBJ; IMP.IND.2DU.ACT.OBJLESS; IMP.IND.2DU.D.ACT.OBJ; IMP.IND.2DU.P.ACT.OBJ; PRES.IND.2DU.D.ACT.OBJ; PRES.IND.2DU.P.ACT.OBJ; PRES.IND.2DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.2DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.2DU.P.OBJLESS; IMP.IND.2DU.P.OBJLESS)	-län; -nän (PRES.IND.2DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.2DU.S.ACT.OBJ; COND.IND.2DU.S.ACT.OBJ)
	-lēmēn (COND.IND.1DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.1DU.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1DU.S.ACT.OBJ)	-lāmēn (PRET.IND.1DU.S.ACT.OBJ)	
	-ēmēn (PRES.IND.1DU.P.OBJLESS) -ēmēn; -mēn (PRES.IND.1DU.D.ACT.OBJ; COND.IND.1DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.1DU.D.ACT.OBJ; POSS.1DU.P; POSS.1DU.S; PRES.IND.1DU.ACT.OBJLESS; PRET.IND.1DU.ACT.OBJLESS; PRET.IND.1DU.D.ACT.OBJ; COND.IND.1DU.P.OBJLESS; PRET.IND.1DU.P.OBJLESS)	-mēn (COND.IND.1DU.P.OBJLESS) -mēn (COND.IND.1DU.ACT.OBJLESS; PRES.IND.1DU.ACT.OBJLESS; POSS.1DU.S; POSS.1DU.P) -āmēn; -āmēn; -q̄mēn; -āmēn (PRES.IND.1DU.P.OBJLESS; PRET.IND.1DU.P.OBJLESS; COND.IND.1DU.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1DU.D.ACT.OBJ; PRES.IND.1DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.1DU.ACT.OBJLESS; PRET.IND.1DU.D.ACT.OBJ; COND.IND.1DU.P.ACT.OBJ)	
	-i (PRES.OBJ)	-i (PRES.OBJ)	
	-tēn; -ēn (POSS.3DU.S)	-tēn (POSS.3DU.S)	
	-ēmēn (POSS.1DU.D)	-oāmēn (POSS.1DU.D)	
	-änl (POSS.3PL.D) -änl; -änl	-änl (IMP.IND.3PL.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3PL.P.ACT.OBJ;	

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельымского диалекта по [Munkácsi 1894]
	(PRET.IND.3PL.D.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.P.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.D.ACT.OBJ; POSS.3PL.S; POSS.3PL.P; IMP.IND.3PL.S.ACT.OBJ; IMP.IND.3PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3PL.S.ACT.OBJ; PRET.IND.3PL.P.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.S.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.P.ACT.OBJ; IMP.IND.3PL.D.ACT.OBJ)	IMP.IND.3PL.P.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.D.ACT.OBJ; PRET.IND.3PL.D.ACT.OBJ) -änl; -änl (PRET.IND.3PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3PL.P.ACT.OBJ) -nl (COND.IND.3PL.D.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.S.ACT.OBJ; POSS.3PL.D; POSS.3PL.S; IMP.IND.3PL.S.ACT.OBJ; COND.IND.3PL.P.ACT.OBJ)	
	-län (PRET.IND.2DU.S.ACT.OBJ)	-län (PRET.IND.2DU.S.ACT.OBJ)	
	-lēn (PRET.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	-län (PRET.IND.2PL.S.ACT.OBJ)	
	-älñ (IMP.IND.2SG.S.ACT.OBJ)	-älēn (IMP.IND.2SG.S.ACT.OBJ)	
	-itā; -ātā (IMP.IND.3SG.S.ACT.OBJ)	-ät (IMP.IND.3SG.S.ACT.OBJ)	
	-ēlēn (IMP.IND.2DU.S.ACT.OBJ)	-ēlän (IMP.IND.2DU.S.ACT.OBJ)	-län (IMP.IND.2DU.S.ACT.OBJ)
	-0 (COND.IND.3SG.P.OBJLESS) -0 (COND.IND.3SG.P.OBJLESS)	-0 (COND.IND.3SG.P.OBJLESS)	
	-änēmēn (PRES.IND.1DU.P.ACT.OBJ; PRET.IND.1DU.P.ACT.OBJ; COND.IND.1DU.P.ACT.OBJ)	-ēnāmēn (PRES.IND.1DU.P.ACT.OBJ; PRET.IND.1DU.P.ACT.OBJ)	
	-lēn (PRET.IND.2SG.S.ACT.OBJ; COND.IND.2SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.2SG.S.ACT.OBJ)	-lēn (PRET.IND.2SG.S.ACT.OBJ)	-lēn; -nē (PRET.IND.2SG.S.ACT.OBJ; COND.IND.2SG.S.ACT.OBJ)
	-ēn/-än (PRET.IND.2SG.P.ACT.OBJ)		-lēn (PRES.IND.2SG.S.ACT.OBJ) -än (PRET.IND.2SG.P.ACT.OBJ)
	-y, -iy, -jiy (DU)	-æy, -i, -øæ (DU)	-əy (DU)
	-t, -ät (PL)	-t (PL)	-ät (PL)
	-n, -ən (DAT)		-än (DAT)
		-t (POSS.3SG.S)	-ät (POSS.3SG.S)
		-ni (COND.OBJ)	-ni (COND.OBJ)

Таблица 2. Аффиксы, представленные только в одном из рассматриваемых мансийских диалектов

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пелымского диалекта по [Munkácsi 1894]
- <i>nēt</i> , - <i>nqt</i> (COM)			
- <i>ēnē</i> , - <i>ne</i> (PRET.IND.2PL.S.ACT.OBJ)			
- <i>ne</i> (IMP)			
- <i>an</i> (POSS)			
- <i>ín</i> , - <i>īn</i> , - <i>īh</i> (IMP.IND.2PL.ACT.OBJLESS)			
- <i>nne</i> (COND.IND.2PL.P.ACT.OBJ)			
- <i>ēn</i> (POSS.3PL.P)			
- <i>ēl</i> ; - <i>l</i> ; - <i>il</i> (IMP.IND.3SG.S.ACT.OBJ; PRES.IND.3SG.S.ACT.OBJ; PRET.IND.3SG.S.ACT.OBJ)			
- <i>än</i> , - <i>qn</i> (FUT.IND.3PL.S.ACT.OBJ)			
- <i>än</i> (PRET.IND.3PL.ACT.OBJLESS)			
- <i>änt</i> (PRES.OBJ)			
- <i>t</i> (INSTR)			
- <i>änt</i> , - <i>ant</i> (PRES)			
- <i>iw</i> , - <i>iu</i> (FUT.P)			
- <i>neu</i> , - <i>new</i> (COND.P)			
- <i>ung</i> (IMP.P)			
- <i>il</i> (FUT.OBJ)			
- <i>äst</i> (PRET.OBJ)			
- <i>nil</i> (COND.OBJ)			
- <i>il</i> (IMP.OBJ)			
- <i>ästän</i> (PRET.OBJ.PL)			
- <i>nilän</i> (COND.OBJ.PL)			
- <i>ilän</i> (IMP.OBJ.PL)			
	- <i>äy</i> (POSS.D)		
	- <i>i'</i> , - <i>ei'</i> , - <i>ei'</i> , - <i>ei'</i> , - <i>ei'</i> (PRES.IND.3DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.3DU.ACT.OBJLESS)		
	- <i>iäy</i> (PRES.OBJ.DU)		
	- <i>säy</i> (PRET.OBJ.DU)		
	- <i>nuwäy</i> (COND.OBJ.DU)		
	- <i>i</i> (PRES.OBJ.SG)		
	- <i>sän</i> (PRET.OBJ.PL)		
	- <i>nuwän</i> (COND.OBJ.PL)		
		- <i>ätén</i> (IMP.IND.3DU.S.ACT.OBJ)	
		- <i>ankw</i> (CONJ.P)	
		- <i>än</i> (POSS.3SG.P)	
		- <i>ä</i> ; - <i>a</i> (COND.IND.3DU.P.OBJLESS; PRES.IND.3DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.3DU.ACT.OBJLESS)	

1. Морфологический словарь тавдинского диалекта по [Munkácsi 1894]	2. Морфологический словарь сосвинского диалекта по [Munkácsi 1894]	3. Морфологический словарь кондинского диалекта по [Munkácsi 1894]	4. Морфологический словарь пельымского диалекта по [Munkácsi 1894]
		<i>-tal, -təal</i> (CAR)	
		<i>-qu, -qw</i> (PRES.P)	
		<i>-qwě</i> (PRET.P)	
		<i>-änq</i> (COND.P)	
		<i>-qw</i> (IMP.P)	
		<i>-niy</i> (COND.OBJ.PL; COND.OBJ.DU)	
			<i>-äm</i> (POSS.1DU.S)
			<i>-än</i> (POSS.3DU.S)
			<i>-änäm</i> (POSS.1SG.P)
			<i>-äm</i> (PRET.IND.1DU.ACT.OBJLESS)
			<i>-äm</i> (PRET.IND.1SG.P.ACT.OBJ)
			<i>-än</i> (COND.IND.3DU.P.ACT.OBJ)
			<i>-n</i> (COND.OBJLESS)
			<i>-iyě</i> (PRES.IND.3DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.3DU.ACT.OBJLESS)
			<i>-näm</i> (COND.IND.1DU.P.ACT.OBJ; PRET.IND.1DU.P.ACT.OBJ; PRES.IND.1DU.P.ACT.OBJ)
			<i>-imě</i> (PRES.IND.1DU.ACT.OBJLESS; COND.IND.1DU.ACT.OBJLESS)
			<i>-nän</i> (COND.IND.2PL.P.ACT.OBJ; PRES.IND.2PL.P.ACT.OBJ; PRET.IND.2PL.P.ACT.OBJ)
			<i>-ngu</i> (PRET.IND.1PL.S.ACT.OBJ)
			<i>-än</i> (COND.IND.3SG.P.ACT.OBJ)
			<i>-än</i> (COND.IND.3DU.S.ACT.OBJ)
			<i>-än</i> (PRET.IND.3DU.S.ACT.OBJ)
			<i>-änän</i> (POSS.3DU.P)
			<i>-änän</i> (POSS.3SG.P)
			<i>-änän</i> (POSS.2DU.P)
			<i>-änän</i> (POSS.2SG.P)
			<i>-änän</i> (POSS.3PL.P)
			<i>-änäm</i> (POSS.1DU.P)
			<i>-än</i> (POSS.3SG.D)
			<i>-näm; -läm</i> (COND.IND.1DU.S.ACT.OBJ; PRET.IND.1DU.S.ACT.OBJ; PRES.IND.1DU.S.ACT.OBJ)

Из таблицы 2 видно, что в пелымском (западном) и тавдинском (южном) диалектах 23 аффикса не имеют этимологии, в кондинском (восточном) их 10, а в сосьвинском (северном) меньше всего — 8. Согласно рис. 1, особенно между собой различаются пелымский и кондинский диалекты — у них всего 60% родственных аффиксов. Наиболее близкими являются кондинский и сосьвинский — 90—91% общих аффиксов.

На основании количества родственных аффиксов с одинаковым значением в других языках (см. выше) можно сделать вывод, что кондинский и сосьвинский мансийские диалекты близки между собой примерно как луговой марийский и горный марийский языки. В принципе, с этим коррелирует и зарубежная классификация⁷, по которой восточный и северный мансийский считаются разными языками. Но исчезнувшие западные и южные мансийские отличаются друг от друга и от северного и восточного мансийских диалектов приблизительно так же, как тюркские или пермские языки между собой. Южные и западные диалекты ранее не были в достаточной степени проанализированы учеными с точки зрения их различий, поэтому интересно посмотреть, как на уровнях глоттохронологии и графики пелымский мансийский отличается от кондинского, сосьвинского и тавдинского. Действительно ли между ними примерно такое же процентное расхождение, как между коми-зырянским и удмуртскими диалектами: менее 70% общих слов в базисной лексике?

Часть II. Степень близости мансийских диалектов XVIII—XXI вв. с точки зрения фонетических отличий и глоттохронологии

II.1. Глоттохронология

Для анализа близости с точки зрения глоттохронологии были выбраны словари, в которых зафиксировано более 50 слов базисной лексики. Этим требованиям удовлетворяют следующие словари мансийских диалектов XVIII в., размещенные на платформе ЛингвоДок:

- Словарь сосьвинского (северного) диалекта мансийского языка, собранный Г. Ф. Миллером, 266 лексем⁸;
- Словарь мансийского диалекта, собранный П. С. Палласом, 550 лексем⁹;
- Пелымский (западный) диалект мансийского языка, собранный Г. Ф. Миллером, 265 лексем¹⁰;
- Западный диалект мансийского языка (г. Соликамск), собранный протоиереем С. Черкаловым, 609 лексем¹¹.

В результате обработки данных словарей с помощью программы «Глоттохронологический анализ диалектов» был получен результат (см. рис. 3) в процентах и времени распада по формуле С. А. Старостина [Starostin 1989].

	1. Березовский мансийский на р. Сосьва (архив Миллера)	2. Словарь мансийского языка (собран П.С.Палласом в 18в. из архива М.А. Шёгрена)	3. Пелымский мансийский на Тавде (архив Миллера)	4. Словарь мансийского языка, составленный протоиереем С.Черкаловым (г. Соликамск, 1783)
1	n/a	1.27 (86%)	1.70 (77%)	1.76 (76%)
2	1.27 (86%)	n/a	1.86 (74%)	1.85 (74%)
3	1.70 (77%)	1.86 (74%)	n/a	1.25 (86%)
4	1.76 (76%)	1.85 (74%)	1.25 (86%)	n/a

Рис. 3. Процент сходства в базисной лексике и время распада мансийских диалектов по данным словарей XVIII в.

Процент различий между северным и западным мансийским, согласно рис. 3, — 76—77%, что по формуле С. А. Старостина указывает на время распада 1700—1760 лет назад. Как показано в статье [Normanskaya, Fedotova 2022: 73], между современными западными и восточными хантыйскими диалектами процент сходства в базисной лексике — 70%. Это довольно близко ко времени распада северных и западных мансийских диалектов.

⁷ См. Атлас языков мира https://en.wal.unesco.org/discover/languages?text=Mansi&sort_by=title.

⁸ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7174/1/perspective/7174/2/view>.

⁹ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1393/29131/perspective/1393/29132/view>.

¹⁰ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7173/1/perspective/7173/2/view>.

¹¹ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/867/9/perspective/867/10/view>.

Таким образом, можно предположить, что мансийские диалекты распались лишь немногим позже, чем восточный и западный хантыйский. Ниже, в таблице 3, приводится полный список слов, которые имеют этимологические параллели не менее чем в двух мансийских словарях XVIII в.

Таблица 3. Список этимологически родственных слов в мансийских словарях XVIII в.

Северные мансийские диалекты		Западные мансийские диалекты	
1. Березовский мансийский на р. Сосьва (архив Г. Ф. Миллера)	2. Словарь мансийского языка (собран П. С. Палласом в XVIII в. из архива М. А. Шёгрена)	3. Пелымский мансийский на Тавде (архив Г. Ф. Миллера)	4. Словарь мансийского языка, составленный протоиереем С. Черкаловым (г. Соликамск, 1783)
белый [uiken] белый	белый [вóйганъ] белый		
большой [jénny] большой		большой [jäni] большой	
вода [uit] вода	вода [вйты] вода	вода [sti] вода	вода [Уть] Вода
волосы [ât] волосы		волосы [ät] волосы	волосы [Пендеать] Волосы
глаз [scham] глаз, глаза	глаз [шемъ] глаз	глаз [scham] глаз, глаза	глаз [Шамъ] Глаз
голова [pönke] голова, глава	голова [пынѣ] голова	голова [rank] голова, глава	голова [Панкъ] Голова
гора [nūlding] гора гора [man-nūlding] холм, гора	гора [нйльтьргъ] гора		
грудь [magl] грудь	грудь [магыль] грудь	грудь [māgla] грудь	грудь [Магль] Грудь
два [kiti] два	два [кйты] два	два [kiteg] два	
дерево [jju] дерево	дерево [ьёу] дерево	дерево [jju] дерево дерево [taut-jiu] дерево, древесина, бревно	дерево [Йвь] Дерево
дождь [gäaku] дождь	дождь [ракъ] дождь	дождь [gäohui] дождь	дождь [Ракуй] Дождь
дорога, тропа [ljönga] дорога	дорога, тропа [лйонѣ] дорога	дорога, тропа [ljonk] дорога	
дым [pöschim] дым		дым [pöschem] дым	дым [Пóшшимъ] Дым
есть (кушать) [ténut] есть, кушать		есть (кушать) [tain] есть, кушать	
звезда [sa] звезда		звезда [sau] звезда	звезда [Сóу] Звезда
земля [ma] земля земля [ker] земля, почва	земля [маѣ] земля	земля [ma] земля земля [ker] земля, почва	земля [Mé] Земля
камень [ächtisch] камень	камень [áхтышь] камень	гора [aach] гора гора [us-äch] холм, гора камень [achtosch] камень	
корень [tar] корень	корень [таръ] корень	корень [tār] корень	корень [Таръ] Корень
красный [wür] красный	красный [вйгыръ] красный кровь [выгръ] кровь	красный [ur] красный	кровь [Угръ] Кровь красный [Ууръ] Красный
луна [jongür] луна		луна [jónkü] луна	луна [Ю́нкупъ] Луна, месяц
мясо [njoul] мясо	мясо [нйюль] мясо	мясо [njaub] мясо	мясо [Нйюль] Мясо мясо [Ню́ль] Мясо
нога (стопа) [lagl] ступня, нога	нога (стопа) [лагыль] нога	нога (стопа) [ljäle] ступня, нога	нога (стопа) [Лейльпаль] Нога
нос [njöl] нос	нос [нйоль] нос	нос [njoll] нос	нос [Ню́ль] Нос нос [Ню́ль] Нос
ночь [et] ночь, мрак	ночь [эти] ночь	ночь [ji] ночь, мрак	
облако [tul] облако, туча		облако [tul] облако, туча	облако [Ту́ль] Облако
огонь [sljä, üle] огонь, жар	огонь [уля] огонь		
один [águ] один	один [áку] один	один [áku] один	
перо [pun] волос, перо		перо [pun] волос, перо	перо [Пунъ] Перо
песок [se] песок	песок [сей] песок		
пить [áiengu] пить		пить [ain] пить	
птица [ui-chul] птица	птица [то́улмвойхуль]		птица [То́улымъвуй] Птица

Северные мансийские диалекты		Западные мансийские диалекты	
1. Березовский мансийский на р. Сосьва (архив Г. Ф. Миллера)	2. Словарь мансийского языка (собран П. С. Палласом в XVIII в. из архива М. А. Шёгрена)	3. Пелымский мансийский на Тавде (архив Г. Ф. Миллера)	4. Словарь мансийского языка, составленный протоиереем С. Черкаловым (г. Соликамск, 1783)
	птица перо [тóуль] перо		перо [Тóуль] Перо
рука (кисть) [kat] рука рука (кисть) [katala, katapette] рука		рука (кисть) [kat] рука	рука (кисть) [Кáтьпаль] Рука рука (кисть) [палькáтьпаль] Рука
рыба [kul] рыба	рыба [хулль] рыба	человек [kum] человек рыба [kúl] рыба	женщина [Кумыгне] Женщина рыба [Кúль (*a > u)] Рыба
сердце [schim] сердце	сердце [шимъ] сердце	сердце [schim] сердце	сердце [Шимъ] Сердце
собака [amp] собака	собака [ампъ] собака	собака [amp] собака	собака [Áмпъ] Собака
солнце [chódal] солнце	солнце [хóдел] солнце	солнце [koto] солнце	солнце [Кóтоль] Солнце
спать [chújen] спать		спать [kúin] спать	
сухой [tóschem] сухой	сухой [тóжимъ, тóжесть] сухой	сухой [tóschem] сухой	
ухо [pāl] ухо, уши	ухо [пель] ухо	ухо [páll] ухо, уши	ухо [Паль] Ухо
холодный [áisiřma] холодный		холодный [áitscherma] холодный	
человек [élemcholles] человек	человек [éлымхольсь] человек		человек [Йлемкольсь] Человек
чёрный [schémel] черный	чёрный [шémель] чёрный	чёрный [schémel] черный	чёрный [Шémель] Черный
язык (орган) [njelm] язык	язык (орган) [нéломъ] язык	язык (орган) [njelm] язык	язык (орган) [Нéльмъ] Язык
яйцо [múngi] яйцо		яйцо [mong] яйцо	яйцо [Мóу] Яйцо
	лист [лóпта] лист	лист [lupt] лист	лист [Лíпте] Лист
	кора [éусамъ] кора		кора [Йвъсемъ] Кора
	горло [туръ] горло		горло [Туръ] Горло
	ноготь [кóшкеръ] ноготь		ноготь [Кóшкеръ] Ноготь
	колени [шáнжипангъ] ко- лено		колени [Лéильшаншъ] Колени
	кость [лу] кость		кость [Лúшимъ] Кость
	печень [мáить] печень		печень [Мéть] Печень
	вошь [тякмъ] вошь		вошь [Тахмъ] Вошь
	жир [вой] жир		жир [Вой, Кúль вой] Жир
		огонь [taut] огонь, жар	огонь [Тáть] Огонь
		живот [kóchra] живот	живот [Кохръ] Живот
		белый [sairen] белый	белый [Сорнимъ] Белый
		зелёный [njárpum] зеленый	зелёный [Ня́рпомъ] Зеленый

Ниже приводятся слова, которые не имеют параллелей в других рассматриваемых словарях (см. таблицу 4).

Таблица 4. Слова-изоляты в мансийских диалектах XVIII в.

Северные мансийские диалекты		Западные мансийские диалекты	
1. Березовский мансийский на р. Сосьва (архив Г. Ф. Миллера)	2. Словарь мансийского языка (собрал П. С. Палласом в XVIII в. из архива М. А. Шёгрена)	3. Пелымский мансийский на Тавде (архив Г. Ф. Миллера)	4. Словарь мансийского языка, составленный протоиереем С. Черкаловым (г. Соликамск, 1783)
маленький [njäwrem] ребенок, маленький			
живот [sári, sógi] живот			
лист [charje-jich] лист			
стоять [lólen] стоять			
жёлтый [wóserma] желтый			
	звезда [vú] звезда		
	рот [шопъ] рот		
	зуб [шоппангъ] зуб		
	грудь [сёгу] грудь (женская)		
	кожа [сóу] кожа		
	кровь [кёлбе] кровь		
	хвост [лей] хвост		
	рог [антъ] рог		
	белый [янгъ] белый		
	зелёный [вóзирмаашпъ] зелёный		
	тёплый [рейнь] тёплый		
	холодный [полемъ] холодный		
	долгий [кожа] долгий		
	круглый [эгнда] круглый		
	много [шау] много		
	новый [ьильпилъ] новый		
	хороший [юмасъ] хороший		
		песок [schopacht] песок	
		маленький [huischarbyyl] ребенок, маленький	
		стоять [tuínschem] стоять	
		сидеть [unl (amunlam)] сидеть (я сижу)	
		жёлтый [morochòschp] желтый	
		маленький [huis] маленький	
			пепел [Кўльмъ] Пепел
			гора [Ўрь] Гора
			песок [Имъ] Песок
			ночь [Иппше] Ночь
			кожа [Тоўль] Кожа
			рот [Тўсь] Рот
			хвост [Авю] Хвост
			камень [Кёрсь] Камень

Анализ списков базисной лексики, собранных Б. Мункачи в XIX в. и изданных в [Munkácsi, Kálmán 1986], представлен М. А. Живловым на сайте starlingdb.org¹². Ниже, на рис. 4, приводим результат этого анализа.

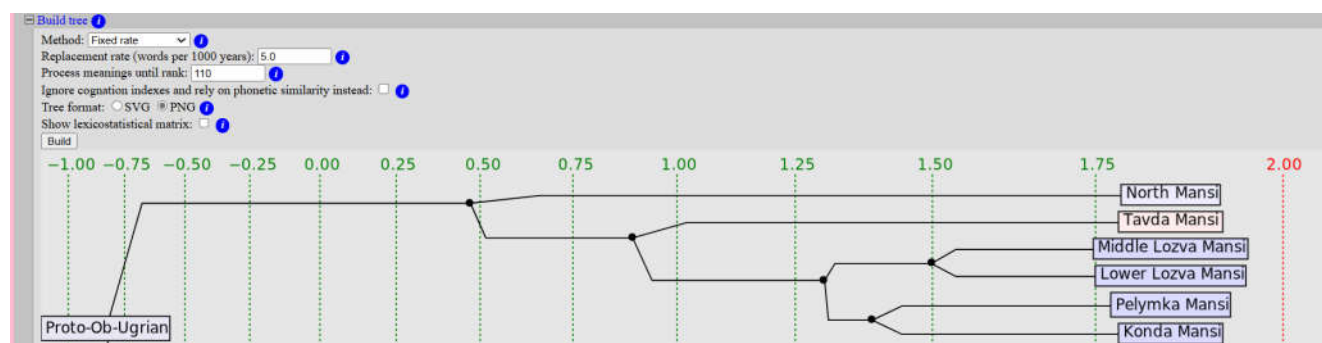

Рис. 4. Дерево распада мансийских диалектов по словарю [Munkácsi, Kálmán 1986], построенное М. А. Живловым

Согласно этим спискам, время распада прамансийского языка тоже достаточно раннее: более 1500 лет назад. Значимые отличия от результата, полученного нами: 1) постулирование кондинско-пельымской группы, которая с точки зрения морфологии, оказалось, имеет наибольшее количество различий, и 2) отсутствие сосвинско-кондинской группы, которая четко выделяется по морфологии.

Как уже отмечалось выше и в [Normanskaya, Fedotova 2022], при анализе списков базисной лексики, записанных в экспедициях XXI в., процент совпадений между сосвинским (северным) и юкондинским (восточным) мансийским — 87%. По формуле С. А. Старостина это указывает на время распада около 1200 лет назад. В определенной степени это подтверждает морфологическую классификацию, поскольку также свидетельствует о распаде восточного и северного диалектов примерно на 400—500 лет позже прамансийского.

II.2. Фонетические соответствия

Как было показано в статьях [Gulya 1958; 1963; Normanskaya, Fedotova 2022; Норманская 2022; Кошелюк 2023], в XVIII в. еще не было полностью завершенных фонетических переходов, они только намечались. В результате анализа словарей XVIII в., собранных Г. Ф. Миллером, П. С. Палласом, протоиереем С. Черкаловым (см. часть I), с помощью программы «Анализ когнатов в разных диалектах» были выявлены следующие нетривиальные фонетические соответствия (см. таблицу 5, где мы приводим только те ряды соответствий, на которые программа нашла более трех примеров во всех источниках).

Таблица 5. Нетривиальные фонетические соответствия в словарях мансийских диалектов XVIII в.

Северные мансийские диалекты		Западные мансийские диалекты	
1. Березовский мансийский на р. Сосьва (архив Г. Ф. Миллера)	2. Словарь мансийского языка (собиран П. С. Палласом в XVIII в. из архива М. А. Шёгрена)	3. Пельымский мансийский на Тавде (архив Г. Ф. Миллера)	4. Словарь мансийского языка, составленный протоиереем С. Черкаловым (г. Соликамск, 1783)
x-/(k-)	x-	k-	k-
<i>choud</i> 'ель'	<i>xóvytʹ</i> 'ель'	<i>kaut</i> 'ель'	<i>Kóuty</i> 'ель'
	<i>xuľaxʹ</i> 'ворон'	<i>kúnna</i> 'ворон'	<i>Kúľaxʹ</i> 'ворон'
<i>chorum, kúrom</i> 'три'	<i>xórumʹ</i> 'три'	<i>kúrom</i> 'три'	<i>Kúrmytalʹ</i> 'трехлетие'
w/(u)-	v-	0 (перед огубленными гласными)	0 (перед огубленными гласными)
<i>uit</i> 'вода'	<i>vút</i> 'вода'	<i>oti</i> 'вода'	<i>Úty</i> 'вода'
<i>wür</i> 'красный'	<i>výgyrʹ</i> 'красный'	<i>ur</i> 'красный'	<i>Úury</i> 'красный'
<i>úsch</i> 'город'	<i>voſhʹ</i> 'город'	<i>úsch</i> 'город'	<i>Úshʹ</i> 'город'

¹² См. <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100>.

Итак, из таблицы 5 видно, что количество регулярных изменений в этих словарях очень невелико. И даже для них в первом словаре, собранном Г. Ф. Миллером на р. Сосьва, есть дублетные соответствия, что еще раз подтверждает наблюдение о фонетической близости мансийских диалектов в XVIII в.

Для анализа фонетических соответствий в мансийских диалектах XIX в. на платформу ЛингвоДок были загружены базы данных, созданные на основе монографии [Honti 1982], по:

- 1) южному диалекту (TJ)¹³;
- 2) северному диалекту (SO)¹⁴;
- 3) восточному диалекту (KU)¹⁵;
- 4) западному диалекту (P)¹⁶.

Каждый из словарей содержит более 700 лексем. Они были соединены этимологическими связями и проанализированы с помощью программы «Анализ когнатов в диалектах». В результате обсчета программа выявила ряды соответствий по анлаутным согласным (см. рис. 5). К надежным рядам относятся случаи, когда во всех диалектах на такое соответствие более трех примеров, к сомнительным — если в каком-либо диалекте их менее трех.

Соответствия по начальному согласному:

Надёжные ряды:

[m]–[m]–[m]–[m]
 [n]–[n]–[n]–[n]
 [nʲ]–[nʲ]–[nʲ]–[nʲ]
 [p]–[p]–[p]–[p]
 [t]–[t]–[t]–[t]
 [k]–[k]–[k]–[k]
 [s]–[s]–[s]–[s]
 [w]–[w]–[w]–[w]
 [j]–[j]–[j]–[j]
 [r]–[r]–[r]–[r]
 [l]–[l]–[l]–[l]
 ? – 0 – 0 – [j]
 0 – 0 – 0 – [w]
 [k]–[χ]–[χ]–[k]
 [ʈ]–[ʈ]–[ʈ]–[ʈ]
 [ʃ]–[ʃ]–[ʃ]–[ʃ]
 [ʂ]–[ʂ]–[ʂ]–[ʂ]

Сомнительные ряды:

? – ? – [j]– 0
 0 – [w]–[w]–[w]

Рис. 5. Соответствия анлаутных согласных в мансийских диалектах XIX в.

Ниже, на рис. 6, мы проиллюстрируем ряды нетривиальных соответствий. Как видно, в большинстве случаев присутствуют общие изоглоссы в северном (2-й столбец) и восточном (3-й столбец) мансийских диалектах.

Соответствия гласных первого слога см. на рис. 7. Мы видим, что соответствий гласных очень много. Возможно, это связано с некоторыми неточностями, допущенными Б. Мункачи при транскрибировании гласных (см. [Норманская, Кошелюк 2017]). В [Живлов 2006] описаны и проиллюстрированы примерами основные ряды соответствий, поэтому здесь мы не будем подробно на них останавливаться.

Примечательны и соответствия инлаутных согласных, в частности сочетания нескольких согласных в интервокальной позиции. В рамках настоящей статьи мы приведем только ряды, которые программа оценила как «надежные». Оказалось, что таких рядов сравнительно немного (см. рис. 8). Это связано, вероятно, с тем, что в рефлексии инлаутных согласных и сочетаний достаточно много не единообразных рефлексов.

¹³ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11269/1/perspective/11269/2/view>.

¹⁴ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11272/1/perspective/11272/2/edit>.

¹⁵ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11270/1/perspective/11270/2/view>.

¹⁶ См. <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11271/1/perspective/11271/2/view>.

?	0	0	[j]
(ēraw)	eriŋ iniŋ ēlan 2 ēnk	eri (in Zusammensetzu... inə '1 vorne, früher; ... elt 1; elan 2 'jüngere Schwester... ink	jeriŋ, jəriŋ (in Zusammensetzu... jiniŋ '1 vorne, früher; ... jelt 1; jelan 2 'jüngere Schwester... jenk
0	0	0	[w]
oj- 1 olā onš- orāj	uj- 1; ujal- 2 ula uns- ūraj us	hi... oj-, woj- 1 olə ons- ori (z. T. in Zusammen... oš, os	hi... wuj- 1 wula wunš- wuri (z. T. in Zusammen... wuš
[k]	[x]	[χ]	[k]
kaškāj kol kalē kal koāl- kāl- ~ kal-ā- kol-ā- kolāk kaməl kop kalnā kanāw koantāl- koñč- korāt-	(z. T. in Zusammen... χōswoj 'Morgen' χol 'Reisekost' χōli 'Spalte, Zwischenr... χal 'hören' χāl- 'sterben' χōl- 'zu Ende gehen' χōl- 'Rabe' χulax (z. T. in Zusammen... χoməl 'Welle' χump 'Achselhöhle' χanəl 'auf den Rücken' χōni 'horchen' χūntl- 'harnen' χuñš- 'Haare schneiden, ... χurāt-	(z. T. in Zusammen... χōšvi ~ χōšvət, χō... 'Morgen' χol 'Reisekost' χōl 'Spalte, Zwischenr... χāl 'hören' χāl- 'sterben' χōl- 'zu Ende gehen' χōl- 'Rabe' χoləχ (z. T. in Zusammen... χānəl 'Welle' χop 'Achselhöhle' χānəl 'auf den Rücken' χonī 'horchen' χōntl- 'harnen' χoñš- 'Haare schneiden, ... χurāt-	(z. T. in Zusammen... 'Morgen' koəl ~ koəlt (loc) 'Reisekost' kōl 'Spalte, Zwischenr... kal 'hören' kōl- 'sterben' kōl- ~ kol- 'zu Ende gehen' kool-, kol- 'Rabe' kuləχ (z. T. in Zusammen... koməl 'Welle' kup 'Achselhöhle' kanəl 'auf den Rücken' kōnəχ 'horchen' kontl- 'harnen' kuñš- 'Haare schneiden, ... kurt-

Рис. 6. Нетривиальные соответствия анлаутных согласных в мансийских диалектах:

1-й столбец — TJ, 2-й — SO, 3-й — KU, 4-й — P

Соответствия по гласному первого слога (после согласного):

Надёжные ряды:

[i]–[i]–[i]–[i]
[o]–[o]–[o]–[o]
[a]–[a]–[a]–[a]
[ä]–[a]–[ä]–[ä]
[y]–[i]–[i]–[i]
[y]–[a]–[ä]–[ä]
[o]–[u]–[o]–[u]
[o]–[o]–[ə]–[o]
[ə]–[a:]–[ɔ:]–[ɔ:]
[a]–[o]–[o]–[ä]
[a]–[o]–[ə]–[o]
[a]–[o]–[ə]–[a]
[a]–[ɔ:]–[o]–[o]
[a]–[ɔ:]–[o]–[o:]
[a]–[a:]–[o]–[a]
[a:]–[ɔ:]–[o:]–[o:]
[ä]–[i]–[i]–[i]
[ä]–[a]–[ə]–[ä]
[ä]–[a:]–[ɔ:]–[ɔ:]
? –[o]–[oä]–?

Сомнительные ряды:

? –[u]–[u]–[u]
? –[i]–[e]–[i]
[i]–[a]–[i]–?
[i]–[a]–[a]–[a]
[o]–[o]–[o]–[oo]
[o:]–[ɔ:]–[o]–[o]
? –[ə]–[i]–[o]
[a]–[o]–[o]–[o]
[a]–[ɔ:]–[o:]–[o]
? –[a]–[ə]–[ə]
[a]–? –[i]–[i]
[ä]–[u]–[ä]–[ä]
[ä]–[ə]–[ə]–[ə]
[ä]–[a:]–[ɔ:]–[a]
[ä]–[a:]–[ɔ:]–[a]

Рис. 7. Соответствия гласных первого слога

в мансийских диалектах XIX в.:

1-й столбец — TJ, 2-й — SO, 3-й — KU, 4-й — P

Как видно, и в рядах инлаутных сочетаний согласных выделяются северо-восточные изоглоссы, ср. рефлексы -ry-, -ŋχ-, которые отличаются от данных в других диалектах.

Выводы

В результате анализа количества и качества фонетических отличий в выявленных рядах соответствий программа построила график близости мансийских диалектов XIX в. — см. рис. 9.

В таблице 6 ниже представлены суммарный процент родственных аффиксов с одинаковым значением по морфологии и количество различий в рядах фонетических соответствий в диалектах XIX в. Отметим, что для наиболее близких диалектов характерен самый высокий процент сходств по морфологии и наименьшее количество пунктов фонетических различий (выделены полужирным шрифтом).

Соответствия по согласному после гласного первого слога:

Надёжные ряды:

[n]–[n]–[n]–[n]
[p]–[p]–[p]–[p]
[t]–[t]–[t]–[t]
[s]–[s]–[s]–[s]
[w]–[w]–[w]–[w]
[j]–[j]–[j]–[j]
[r]–[r]–[r]–[r]
[l]–[l]–[l]–[l]
[nf]–[ns]–[nf]–[nf]
[rk]–[ry]–[ry]–[rr]
[wt]–[wt]–[wt]–[wt]
? –[ŋχ]–[ŋχ]–[ŋk]
[f]–[s]–[f]–[f]

*Рис. 8. Соответствия инлаутных согласных
в диалектах XIX в.*

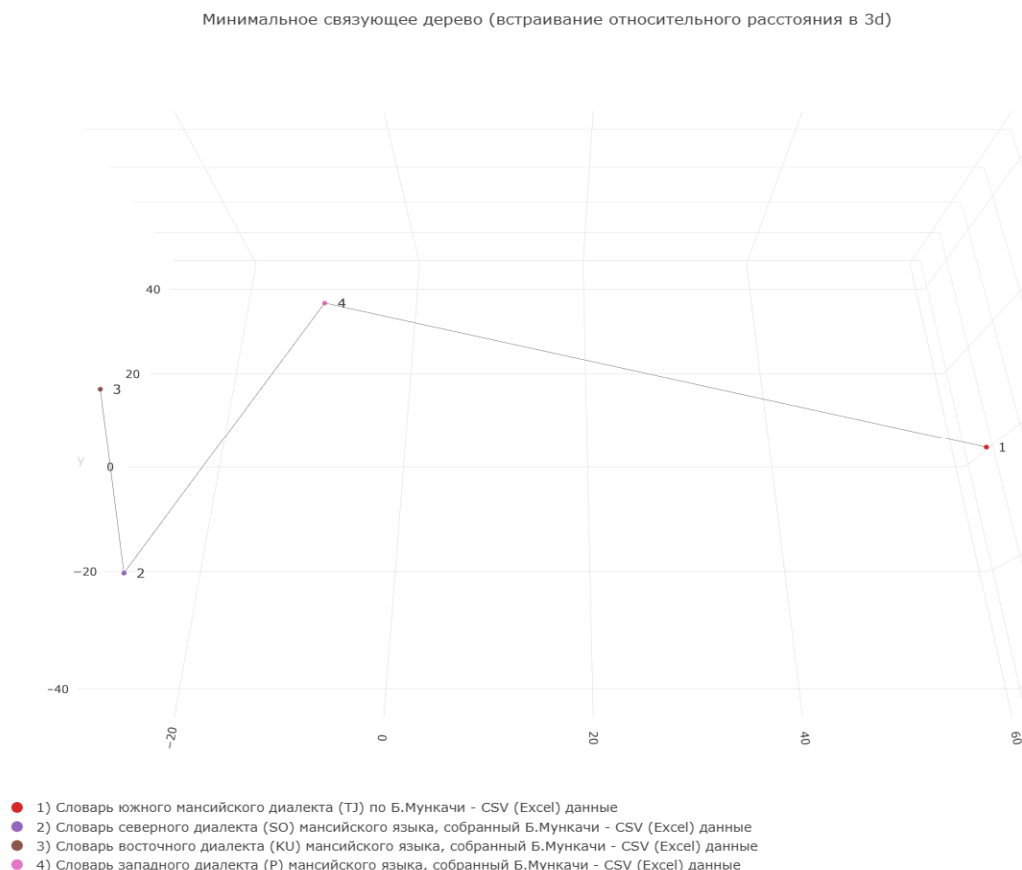

Рис. 9. 3D-график близости мансийских диалектов XIX в. с точки зрения фонетических соответствий

Таблица 6. Суммарная таблица степени близости по морфологии и фонетике мансийских диалектов XIX в.

	Южномансийский		Северномансийский		Восточномансийский		Западномансийский	
	Морфология	Фонетика	Морфология	Фонетика	Морфология	Фонетика	Морфология	Фонетика
Южно-мансийский	0	0	70%	83	67%	84	72%	73
Северно-мансийский	79%	83	0	0	90%	36	70%	53
Восточно-мансийский	65%	84	91%	36	0	0	64%	38
Западно-мансийский	73%	73	64%	53	60%	38	0	0

Итак, из таблицы 6, графиков морфологической (см. рис. 2) и фонетической близости диалектов (см. рис. 9) видно, что надежно выделяется подгруппа северо-восточных диалектов, существование которой подтверждают и глоттохронологические обсчеты современных полевых данных. С точки зрения фонетики наибольшее количество отличий имеют южные диалекты, но, полагаем, это связано с тем, что в них сохранилось больше всего архаических рефлексов анлаутных согласных: Пманс. *w-, *k-, *š-, *č.

По количеству различий (см. подробнее статью о методике анализа [Норманская 2020]) южные диалекты имеют 83 пункта с северными, 84 — с восточными и 73 — с западными диалектами, что значительно превышает цифры, выявленные для некоторых других уральских близкородственных языков и диалектов: например, для коми языков максимальное различие между коми-язьвинским и южным коми-пермяцким составляет 47 пунктов, а наш результат сравним с различиями между бесермянским и удмуртским — 82 пункта (см. [Безенова, Норманская 2022]).

Таким образом, результаты исследования показывают, что с точки зрения морфологии, глоттохронологии и фонетики мансийские «диалекты», которые, без сомнения, должны считаться разными языками,

имеют довольно значительное количество различий. Время распада в первой половине I тыс. н. э., полученное нами при обсчете данных словарей XVIII в. с помощью метода С. А. Старостина и М. А. Живловым для словаря XIX в., кажется обоснованным для южных и западных мансийских диалектов, которые отделились наиболее рано. Это сопоставимо со временем распада общетюркского языка.

В основополагающей монографии [Соколова 2009], посвященной вопросам истории и этнологии хантов и манси, автор с подробным анализом литературы демонстрирует, что во II тыс. до н. э. предки манси жили на Южном Урале и южном Приуралье в бассейнах рек Уфы и Белой. Первое переселение части предков манси, по мнению З. П. Соколовой, следует отождествлять с миграционными волнами в период после рубежа эр, которые двинулись с Урала на Печору, Вычегду, Пинегу, Каму (см. подробнее [там же: 67—68]). «Начиная с V в. н. э. регион Урала, стал местом многочисленных миграций» [там же: 64]. В начале нашей эры тюркские племена теснили племена манси все больше на северо-запад. В XI—XIV вв. с освоением Урала русскими и коми-зырянами часть мансийских племен начала постепенно мигрировать обратно на восток. Там, слившись с хантыйским населением, они, как указывает З. П. Соколова, стали предками северных манси, численность которых и по метрическим книгам все время менялась, поскольку была путаница между количеством манси и хантов (см. [там же: 62—68]). При этом до XIX в. часть западных манси оставалась жить в Прикамье, в бассейне реки Печоры. Итак, по данным археологии, первые миграции предков манси относятся к началу I тыс. до н. э., что полностью совпадает с результатами проведенного нами лингвистического анализа.

В отличие от прежних классификаций, мы выявили наличие северо-восточной группы, которая распалась примерно на 500 лет позднее и имеет общие инновации на всех уровнях языковой системы. Интересно, что эта датировка совпадает с периодом обратной миграции манси из Прикамья на Урал. Можно предполагать, что мигрировали предки не только северных манси, как пишет З. П. Соколова, рассматривающая носителей лишь этого диалекта, но и восточных. А уже после миграции в район Среднего Урала предки восточных манси начали мигрировать в район среднего и верхнего течения реки Конды соответственно. По историческим данным (см. [Попова 2013: 40—41]), это происходило в XIII—XV вв. Учитывая, что в XXI в. остались живы только носители северных и восточных диалектов мансийского, у исследователей сложилось не вполне корректное впечатление, что прамансийский язык распался значительно позже прахантыйского. Загадкой для ученых было также несущественное количество графических различий в первых мансийских словарях XVIII в., которое, видимо, ошибочно считалось указанием на недавний распад диалектов. Как показал проведенный нами анализ словарей XIX в., графикофонетические различия в основном касались гласных звуков и интервокальных сочетаний согласных. И, вероятно, у них было так много дублетных рефлексаций, что в небольших (250—300 лексем) словарях XVIII в. просто не набиралось достаточного количества примеров, чтобы постулировать четкие изоглоссы. Мы выявили, что только когда все диалектные словари имеют более 700 лексем, удастся описать значительное количество регулярных нетривиальных соответствий, которое также подтверждает гипотезу раннего отделения южного и западного мансийского от северо-восточной группы.

Сокращения

1DU — 1-е лицо двойственное число
 1PL — 1-е лицо множественное число
 1SG — 1-е лицо единственное число
 2DU — 2-е лицо двойственное число
 2PL — 2-е лицо множественное число
 2SG — 2-е лицо единственное число
 3DU — 3-е лицо двойственное число
 3PL — 3-е лицо множественное число
 3SG — 3-е лицо единственное число
 ABL — аблатив
 ACT — действительный залог
 CAR — каритив
 COM — комитатив
 COND — условное наклонение
 CONJ — сослагательное наклонение
 D — парадигма двойственного числа

DAT — датив
 FUT — будущее время
 IMP — повелительное наклонение
 IND — изъявительное наклонение
 INSTR — инструменталис
 LAT — латив
 LOC — локатив
 NOM — номинатив
 OBJ — объектное спряжение
 OBJLESS — безобъектное спряжение
 P — парадигма множественного числа
 PAS — страдательный залог
 POSS — притяжательное наклонение
 PRES — настоящее время
 PRET — прошедшее время
 S — парадигма единственного числа
 TRANSL — транслатив

Л и т е р а т у р а

Безенова, Норманская 2022 — М. П. Безенова, Ю. В. Норманская. Классификация диалектов удмуртского языка на основе анализа с помощью цифровых методов современных данных и книг XIX — начала XX в. // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. М., 2022. С. 124—146.

Живлов 2006 — М. А. Живлов. Реконструкция праобско-угорского вокализма. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Кошелюк 2023 — Н. А. Кошелюк. Чусовой словарь из архива Г. Ф. Миллера: особенности и его значение для классификации мансийских диалектов // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16, № 5. С. 1309—1324.

Норманская 2020 — Ю. В. Норманская. Коми-язьвинский — диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020, 4 (14). С. 628—641.

Норманская, Кошелюк 2017 — Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Архивный пелымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 151—160.

Норманская, Кошелюк 2020 — Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020, 1 (36). С. 92—100.

Попова 2013 — С. А. Попова. Этническая история и мифологическая картина мира манси. Ханты-Мансийск, 2013.

Соколова 2009 — З. П. Соколова. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009.

Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvemlék (Előzetes közlés) // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1958, 60. P. 41—45.

Gulya 1963 — J. Gulya. Древнемансийские диалекты // *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus* 20—24. IX. 1960. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. P. 172—175.

Honti 1982 — L. Honti. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Munkácsi 1894 — B. Munkácsi. A vogul nyelvjárások szóragozás ukbanismertetv. Budapest, 1894.

Munkácsi, Kálmán 1986 — B. Munkácsi, B. Kálmán. Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von B. Munkácsi; Geordnet, bearb. und hrsg. von B. Kálmán. Budapest, 1986.

Normanskaya, Fedotova 2022 — Yu. Normanskaya, I. Fedotova. Phonetic and lexical innovations in Ob-Ugric dialects in the 18th—21st centuries: new archival and field data // *Ural-Altaic Studies* 2022, 3 (46). P. 63—74.

Oxford guide 2022 — The Oxford Guide to the Uralic Languages / M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). Oxford, 2022.

Starostin 1989 — S. A. Starostin. Comparative-Historical Linguistics and Lexicostatistics. Linguistic Reconstruction and Ancient History of the East. Part I. Moscow, 1989. P. 3—39.

R e f e r e n c e s

Bezenova, Normanskaya 2022 — M. P. Bezenova, Yu. V. Normanskaya. Klassifikaciya dialektov udmurtskogo yazyka na osnove analiza s pomoshch'yu cifrovyyh metodov sovremennykh dannyyh i knig XIX — nachala XX v. In: Kirillicheskie pamyatniki na ural'skih i altajskih yazykah. Moskva, 2022. S. 124—146. {M. P. Bezenova, Yu. V. Normanskaya. Classification of dialects of the Udmurt language based on the analysis of modern data and books of the 19th — early 20th centuries using digital methods. In: Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Moscow, 2022. P. 124—146.}

Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvemlék (Előzetes közlés). In: *Nyelvtudományi Közlemények*. 1958, 60. P. 41—45.

Gulya 1963 — J. Gulya. Drevnemansijskie dialekty. In: *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus* 20—24. IX. 1960. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. P. 172—175.

Honti 1982 — L. Honti. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Koshelyuk 2023 — H. A. Koshelyuk. Chusovoy slovar' iz arhiva G. F. Millera: osobennosti i ego znachenie dlya klassifikatsii mansijskih dialektov. In: *Oriental Studies*. 2023. T. 16, № 5. S. 1309—1324. {N. A. Koshelyuk. Chusovoy dictionary from the archive of G. F. Miller: features and its significance for the classification of Mansi dialects. In: *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16, No. 5. P. 1309—1324.}

Munkácsi 1894 — B. Munkácsi. A vogul nyelvjárások szóragozás ukbanismertetv. Budapest, 1894.

Munkácsi, Kálmán 1986 — B. Munkácsi, B. Kálmán. Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von B. Munkácsi; Geordnet, bearb. und hrsg. von B. Kálmán. Budapest, 1986.

Normanskaya 2020 — Yu. V. Normanskaya. Komi-yaz'vinskij — dialekt komi-permyackogo ili otdel'nyy yazyk? In: *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy*. 2020, 4 (14). S. 628—641. {Yu. V. Normanskaya. Komi-Yazva: a dialect of Komi-Permyak or a separate language? In: *Yearbook of Finno-Ugric studies*. 2020, 4 (14). P. 628—641.}

Normanskaya, Fedotova 2022 — Yu. Normanskaya, I. Fedotova. Phonetic and lexical innovations in Ob-Ugric dialects in the 18th—21st centuries: new archival and field data. In: *Ural-Altaic Studies*. 2022, 3 (46). P. 63—74.

Normanskaya, Koshelyuk 2017 — Yu. V. Normanskaya, N. A. Koshelyuk. Arhivnyj pelymsko-russkij slovar', sostavlenyj russkim svyashchennikom o. Konstantinom Slovcovym, kak istochnik, pozvolyayushchij ocenit' tochnost' zapisej v mansijskix slovaryah A. Kannisto i B. Munkachi. In: Uralo-altajskie issledovaniya. 2017, 3 (26). S. 151—160. {Yu. V. Normanskaya, N. A. Koshelyuk. Archival Pelym-Russian dictionary compiled by Russian priest Fr. Konstantin Slovtsov as a source allowing to evaluate the accuracy of entries in Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkacs. In: Ural-Altaic Studies. 2017, 3 (26). P. 151—160.}

Normanskaya, Koshelyuk 2020 — Yu. V. Normanskaya, N. A. Koshelyuk. Neopublikovannyj mansijskij slovar' P. S. Pallas — ranee neizvestnyj mansijskij dialekt? In: Uralo-altajskie issledovaniya. 2020, 1 (36). S. 92—100. {Yu. V. Normanskaya, N. A. Koshelyuk. Unpublished Mansi dictionary by P. S. Pallas — previously unknown Mansi dialect? In: Ural-Altaic Studies. 2020, 1 (36). P. 92—100.}

Oxford guide 2022 — The Oxford Guide to the Uralic Languages / M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). Oxford, 2022.

Popova 2013 — S. A. Popova. Etnicheskaya istoriya i mifologicheskaya kartina mira mansi. Hanty-Mansijsk, 2013. {S. A. Popova. Ethnic history and mythological picture of the world of the Mansi. Khanty-Mansiysk, 2013.}

Sokolova 2009 — Z. P. Sokolova. Hanty i mansi. Vzgljad iz XXI veka. Moskva, 2009. {Z. P. Sokolova. Khanty and Mansi. A View from the 21st Century. Moscow, 2009.}

Starostin 1989 — S. A. Starostin. Comparative-Historical Linguistics and Lexicostatistics. Linguistic Reconstruction and Ancient History of the East. Part I. Moscow, 1989. P. 3—39.

Zhivlov 2006 — M. A. Zhivlov. Rekonstrukciya praobsko-ugorskogo vokalizma. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2006. {M. A. Zhivlov. Reconstruction of Proto-Ob-Ugric vocalism. PhD thesis. Moscow, 2006.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **spacing** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
30.06.2025

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

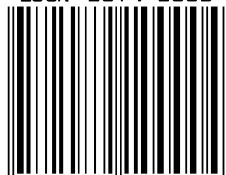
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
30.06.2025

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >